

Сердце Ведьмы

Автор:

Женевьева Горничек

Сердце Ведьмы

Женевьева Горничек

Universum. Ретеллинги

Роман для поклонников «Цирцеи» Мадлен Миллер, который переосмысливает скандинавскую мифологию и рассказывает современным читателям вечную историю любви, надежды и потерь.

История Ангербоды начинается там, где большинство историй о ведьмах заканчивается: на костре. За отказ открыть ему знания о будущем бог Один решает сжечь непокорную ведьму. С трудом выжив, израненная и обессиленная Ангербода скрывается в безлюдных лесах... где встречает легендарного трикстера Локи.

Их отношения рождаются с недоверия, но перерастают в любовь. У них появляются трое необыкновенных детей, у каждого из которых – особое предназначение. Ангербода растит малышей на краю света, укрывая от всевидящего ока Одина... до тех пор, пока пророческий дар не открывает ей: ее дети в опасности. В опасности весь мир. И теперь Ангербода должна решить, примет ли она предначертанную судьбу – или восстанет, пытаясь изменить будущее.

Женевьева Горничек

Сердце Ведьмы

Посвящается Поппи

Genevieve Gornichec

THE WITCH'S HEART

Copyright (c) 2021 by Genevieve Gornichec

All rights reserved including the right of reproduction in whole or in part in any form.

This edition published by arrangement with Ace, an imprint of Penguin Publishing Group, a division of Penguin Random House LLC

© Урбанская Д., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Часть I

В стародавние времена, когда были боги ещё юны, а Асгард только возведён, из-за предела миров явилась ведьма. Она знала много древних заклятий, но особенно сведуща была в сейде, особом колдовском искусстве, что позволяло странствовать вне тела и провидеть будущее. Когда Один, первый среди асов и асинь, прознал о её умениях, так возжелал он заполучить эти знания, что предложил ей сделку: она наставляет его в искусстве сейда, а в обмен он раскрывает ей тайны рун.

Сперва колдунья колебалась, ибо слышала она об Одине много такого, что рождало сомнения в верности его обещаний. Но также знала она, что одноглазый бог редко делится своими секретами, а это означало, что её знания о сейде должны быть для него немалой важности. Поэтому отбросила она подозрения в отношении мрачного аса и приняла его предложение. И так они стали вместе творить сейд.

Постепенно начала замечать ведьма, что странствия её вне тела становятся всё дальше и опаснее, чем когда-либо прежде. Как-то раз чуть не утянуло её в место мрачнее, чем даже начало времён. Бездна эта испугала её, ведь тайны, заключённые в ней, были так велики и ужасны, что не осмелилась она их тревожить – к великой досаде Одина, ибо знание, что алкал он превыше всего, было сокрыто в сей бездне. И казалось ему, что только ведьма может дотянуться до него.

Но не только Одина наставляла в сейде колдунья – знаниями своими она делилась также и с ванами, давними соперниками асов, чей мир встретился ей на пути в Асгард. Не было между ними заключено никаких сделок, и ваны не знали, чем отплатить ей за науку, кроме как золотом, хотя богатство её вовсе не прельщало.

Прознал Один, что ведьма свободно ходит между Асгардом и Ванахеймом, и замыслил наконец добиться своего. Настроил он асов против своей наставницы и оклеветал её, назвав Гульвейг, «Жаждущей злата». И поверили асы, и пронзили её копьями. Трижды сжигали они тело её, и трижды она возрождалась, ибо долго жила она на свете, была очень могущественна, и убить её было не так-то просто.

Всякий раз, когда ведьма страдала в пламени, Один пытался заставить её воспользоваться сейдом и спуститься в бездну за тем знанием, что так жаждал, но каждый раз удавалось ей противостоять ему. Узнали ваны о том, как обращаются их недруги-асы с колдуньей, и пришли они в ярость, и началась первая война между мирами.

Возродившись из пламени в третий раз, Гульвейг бежала, но кое-что после неё осталось: её сердце, всё ещё дымящееся на погребальном костре.

Там он его и нашёл.

Некоторое время спустя поиски привели его в самый дремучий и мрачный лес на дальнем краю Ётунхейма, стране ётунов-великанов, злейших врагов асов. Этот лес назывался Железным, и его искорёженные серые деревья росли так часто, что между ними не найти было и тропинки, а их узловатые сучья тянулись так высоко, что заслоняли собой солнце.

Однако ему не пришлось углубляться в чащу, так как ведьма нашлась на берегу реки, что отделяла Железный Лес от остальной части Ётунхейма. Глядя на частокол деревьев за гладью реки и горы над ними, она сидела на грубом шерстяном одеяле, накинув на плечи толстый плащ и надвинув на голову капюшон. Светило солнце, но она расположилась в тени, сложив руки на коленях и прислонившись к стволу дерева.

Некоторое время он, переминаясь, наблюдал за женщиной, почёсывая нос и прислушиваясь к причудливому журчанию реки и щебету певчих птиц, а затем неторопливо подошёл к ней, сцепив руки за спиной. Ему была видна только нижняя половина её лица, и кожа на ней казалась розовой – нежной, заживающей, обновлённой. Подойдя ближе, он заметил, что кожа на её руках выглядела так же. Казалось, колдунья мирно отдыхает, и отчасти ему не хотелось беспокоить её. С другой стороны, он всегда находил саму идею мира довольно скучной.

– И долго ты собираешься там стоять? – поинтересовалась она хрипло. Голос звучал так, будто она с рождения ничего не пила. Вероятно, подумал он, так и бывает, если трижды подышать дымом собственного погребального костра.

– Тебя непросто отыскать, – ответил он.

По правде говоря, ему было непонятно, что делать дальше. Он пришёл вернуть ей то, что она оставила в чертоге Одина, – но хотел чего-то большего, хотя он и не знал, чего именно. Что-то влекло его в Железный Лес в тот день – что-то кроме её сердца, покоящегося в заплечном мешке. И он чувствовал, что нечто, приведшее его сюда, было важно, значимо, а главное – интересно. А ведь его не так и просто было заинтересовать.

И вот теперь он находился здесь, соблазнённый предчувствием какого-то волнения, в надежде, что ведьма его не разочарует.

Она ответила не сразу, вместо этого принялась изучающе рассматривать этого странного мужчину, что приблизился к ней. Солнце светило ему в спину, так что лица было не разглядеть – только тёмно-зелёный дорожный плащ с капюшоном, коричневые брюки, ботинки из тёмной кожи и абрис растрёпанных волос.

– Я действительно восхищён твоими талантами, – продолжил он как ни в чём не бывало. – Ну знаешь, сеять хаос, где бы ты ни находилась. Вынуждать сильных мира сего сражаться за возможность обладать твоими знаниями. Это впечатляет.

Помолчав, она произнесла:

– Я не собиралась этого делать.

– А что собиралась?

Ведьма промолчала.

– Ну что ж, если ты задумаешь снова повернуть такое, – сказал он, – я бы с удовольствием понаблюдал и даже, возможно, поучаствовал, если только меня не поймают. Но сразу предупреждаю, что ни при каких обстоятельствах я не даю обещаний, от которых не смогу отвертеться. Обычно я не настолько прямолинеен, так что считай, тебе повезло – как друга предупреждаю.

– Друга? – Этого слова она прежде не слышала.

– Да, решил стать им прямо сейчас. – Он склонил голову набок. – Я что, твой первый друг? Ну что ж, поздравляю!

Она проигнорировала вопрос.

– Кажется, меня ты перед этим спросить забыл.

– Ну, насколько я вижу, тебя не осаждают поклонники. – Он внимательно посмотрел на неё. – Если честно, ты мне видишься не более чем мирной колдуньей из лесной глуши. Я очень давно не слышал говора, подобного твоему. Удивительно, что асы вообще смогли разобрать твою речь. Кто ты? Откуда пришла?

– Я не знаю, – призналась она немного погодя. Женщина наклонила голову так, чтобы видеть его, но он не мог продолжать рассматривать её. – Я могла бы задать тебе тот же вопрос, и ты, вероятно, тоже не смог бы ответить.

– Да ну? – Он присел на корточки и пристально посмотрел на неё.

Теперь ей стало видно его бледное угловатое лицо, острый, слегка вздёрнутый нос, придававший ему озорной вид, и тёмно-русые волосы до плеч – не то волнистые, не то кудрявые. Глаза у него были травянисто-зелёные; он задорно улыбался.

Ведьма кивнула в ответ.

Уголки губ его слегка дрогнули:

– И с чего же ты это взяла?

– Я многое знаю, – сказала она. – Возможно, ты слышал об этом.

– Я, возможно, слышал, что тебя пронзили копьями и несколько раз сожгли как раз потому, что ты многое знала. Вероятно, отныне тебе следует просто прикидываться дурочкой.

– Какое же в этом веселье, – сказала она полушутливо, а её рука инстинктивно потянулась к вертикальной ране между грудями – сюда её пронзили копьём, вырвав сердце.

– Вот это я понимаю! – Он засмеялся, роясь в сумке, а через мгновение вытащил что-то завёрнутое в ткань и протянул ей.

Она взяла свёрток – и вздрогнула, когда почувствовала, что тот ритмично пульсирует в её руках.

– Твоё сердце, – пояснил он. – Сначала я собирался его съесть, но затем решил, что, может быть, стоит вернуть его тебе.

– Съесть? – спросила она, скорчив гримасу. – Зачем?

Он пожал плечами.

– Не знаю. Чтобы посмотреть, что из этого получится.

– Если съесть сердце ведьмы, это совершенно точно не пойдёт никому на пользу, – сухо сказала она и нахмурилась, развернув ткань. – Похоже, оно порядком исцелилось после сожжения, но...

– ...Но в нём по-прежнему есть дырка, – закончил он за неё. – Тебя же проткнули. Возможно, рана полностью затянется, если ты поместишь сердце на положенное ему место. Можешь сделать это прямо сейчас – я не буду подсматривать.

– Повременю. – Она вернула ткань на место и вновь посмотрела на него. – Благодарю.

– Всегда пожалуйста. – Он сел, вытянул одну ногу и положил локоть на другое колено. – Итак, как я понимаю, тебя больше не Гульвейг звать. А как теперь?

– Я точно не знаю. – Она искоса взглянула на него, а он в это время выдернул из земли длинную травинку, сунул в рот и лениво пошевелил ей из стороны в сторону. Ей в глаза бросилась россыпь веснушек на его носу и щеках и то, как солнце, оказавшись позади него, окрасило контур его волос в ярко-оранжевый цвет. Этот гость по-прежнему был для неё загадкой. Было непросто решить, как много стоит ему рассказывать.

– Ты не знаешь своего собственного имени? – уточнил он, подняв брови.

Она пожала плечами.

– Я хотела путешествовать, так что в странствиях меня всё равно бы как-то называли – в зависимости от того, куда они меня заведут. – Она бросила взгляд через реку на серые заросли Железного Леса. – Хотя, возможно, я всё же решу задержаться здесь ненадолго.

– И как же ты станешь сама себя называть, если останешься?

Она обдумала его вопрос минуту-другую, а затем ответила:

– Ангербода.

Он сморщил нос, и травинка поникла.

– Как? «Та, что приносит горе»? Что за странное имя... Зачем мне становиться твоим другом, если только этим ты и собралась заниматься?

– Это ты решил, что мы друзья, – возразила она. – Да и горе я принесу не тебе.

– Неужели все ведьмы такие же загадочные, как ты?

– Не уверена, встречала ли я других ведьм, но мне кажется, что некоторые из них тоже некогда жили в этих лесах. – Она снова посмотрела на другой берег реки и почти благоговейно понизила голос: – Говорят, здесь обитала одна колдунья, что породила волков, преследующих солнце и луну, и дала жизнь многим другим.

– Точно. Я слышал о них истории в детстве. Старуха и её волчьи дети.

– Ты слышал эти сказки в Асгарде?

– Вообще-то, родом я не из Асгарда. Но, так или иначе, все здесь знают эти истории.

– Ты ётун-великан, – произнесла она. Это было предположение с её стороны, но в голосе не прозвучало вопроса. На самом деле слово «великан» было не совсем подходящим: это было определение, а не описание, потому что своими размерами великаны чаще всего не превосходили обычного человека. И хотя её гость, несомненно, был одет как один из богов-асов, иногда по внешнему облику было невозможно отличить бога от великана.

Но этот мужчина, путешествующий один и совершенно не скрываясь... В нём было что-то дикое, что-то в его глазах наводило на мысли о дремучих лесах и самых длинных летних ночах. Что-то необузданное, неукротённое.

Разве он может быть богом?

Он пожал плечами в ответ на её догадку.

– Вроде того. Во всяком случае, сейчас здесь довольно пустынно. Не осталось ни волков, ни их прародительницы-ведьмы...

– Верно. – Она вновь устремила взгляд на лес за рекой, почувствовав укол боли в пустой груди. – Но, быть может, это была я. Быть может, я была их матерью.

– Но ты не помнишь точно?

Она покачала головой:

– Увы.

Между ними повисла тишина, и он пошевелился. У неё возникло ощущение, что он ненавидит, когда разговоры на время стихают; он казался человеком, которому нравится слушать свой голос.

– Что ж, – произнёс он наконец, – хочу, чтобы ты знала, что отныне моя главная цель – не обращать внимание на все твои печальные пророчества, а вместо этого делать всё, что мне заблагорассудится.

– Нельзя просто не обращать внимание на пророчества.

– Можно, если очень постараться.

– Не уверена, что всё так легко.

– Хм... – Он закинул руки за голову, прислонился к дереву и заносчиво заявил: – Может быть, я просто посмекалистее тебя буду.

Она насмешливо покосилась на него.

– И как же тебя тогда зовут, о Хитроумный?

– Я скажу тебе, если ты покажешь мне своё лицо.

– Покажу, если пообещаешь не отпрянуть в ужасе.

– Я уже сказал, что назову тебе своё имя. Больше ничего обещать не могу. Но поверь, желудок у меня здоровый – я ведь собирался съесть твоё сердце.

– Не такое уж моё сердце и мерзкое, поверь.

И всё же она приподняла капюшон, открывая сине-зелёные глаза под тяжёлыми веками и коричневую щетину обожжённых волос. Цвета они были не такого, как у Гульвейг, но Ангербода решила, что уж это имя и всё, что с ним связано, она должна оставить позади и никогда больше не вспоминать о нём. В её жизни начинался новый период. Уж что-что, а колдовство она отныне будет держать при себе, хватит с неё. Больше никакого сейда, никаких пророчеств, никаких неприятностей. И так за последнее время на несколько жизней вперед набралось.

– А я-то думал, что ты окажешься какой-нибудь отвратительной людоедкой, прячущейся под капюшоном. – Он поднял руки и изобразил пальцами когти. – Троллиха Ангербода, такая уродливая, что мужчины в ужасе отшатываются, взгляни они ей в лицо.

Она закатила глаза.

– Так как тебя зовут? Или ты намерен нарушить своё обещание?

– И в мыслях не было. Я человек слова, Ангербода. Я кровный брат самого Одина, – надменно произнёс он, приложив руку к груди.

Ну началось, подумала колдунья. Не брался на её памяти Один с ётуном, пока она была в Асгарде. Хотя, конечно, это могло произойти столетия назад, в конце концов, она очень мало помнила о своём пребывании в мире асов и почти ничего из того, что было до этого. Возможно, её странный гость просто не присутствовал в той зале, где её сжигали.

Или, быть может, он там был и наблюдал за ней в экстазе. Как и остальные.

– ...Поверить не могу, – продолжал он, – что ты порочишь моё доброе имя, намекая, что я клятвопреступник.

– Но не нужно ли мне прежде узнать твоё имя, чтобы порочить его?

– Ты порочишь саму идею моего доброго имени.

– Идею того, что у тебя в принципе есть имя, или того, что это имя доброе?

Он моргнул и округлил губы в немом изумлении.

– Если ты не скажешь мне своё имя, я сама придумаю, как тебя называть, – пригрозила она.

– Ух ты, очень любопытно. – Он обхватил руками колени, как взволнованный ребёнок. – И что же это будет?

– Тебе точно не понравится. Я буду звать тебя самым ужасным именем, какое только смогу придумать, и с помощью своей ведьмовской магии заставлю всех остальных называть тебя так же.

– Ведьмовская магия? Ох, мне сейчас жуть как страшно.

– Не вынуждай меня заставлять тебя это есть, – предостерегающе сказала Ангербода, демонстрируя своё завёрнутое в ткань сердце.

– Хм, может быть, мне сразу так и нужно было сделать. – Он выпрямился и бросил на неё притворно-хищный взгляд. – Может быть, я заполучу твою силу. Ну-ка, отдай обратно.

Женщина отодвинула свёрток подальше, когда он потянулся за ним, и произнесла насколько могла зловеще:

– Или, быть может, случится что-то куда более кошмарное...

– Откуда ты знаешь?

– А я и не знаю. Просто к слову пришлось.

– Ну что ж, полагаю, я не вправе винить тебя за то, что ты хочешь сохранить сердце после всего, что случилось.

– Это уж точно, в обозримом будущем я с ним расставаться не собираюсь. – Она положила сверток обратно на колени и опустила на него взгляд. Никогда больше не расстанусь.

Прошло несколько мгновений. Ведьма снова посмотрела на него – он криво усмехался, глядя на неё. Она неуверенно усмехнулась в ответ, не зная точно, как сейчас выглядит её улыбка, гротескно ли, непривлекательно или просто пугающе. Но улыбка его стала только шире, то ли выдавая все его мысли, то ли ни одной.

– Моё имя, – произнёс он наконец, – Локи Лаувейярсон.

– Ты используешь имя матери вместо отцовского? – переспросила она, так как знала, что Лаувейя – это женское имя.

– Верно. И, честно говоря, я не могу поверить, что ты не слышала обо мне за всё то время, что провела в Асгарде. Боги чересчур уж серьёзны, и временами это наскучивает, поэтому я частенько развлекаюсь, чтобы хоть как-то оживить атмосферу, – в основном, правда, за счёт других, но тут уж как есть. Поделаться они с этим ничего не могут, ведь я там остроумнее всех.

– И скромнее, без сомнения, – с невозмутимой искренностью заметила Ангербода.

Локи внимательно посмотрел на неё, словно пытаясь понять, не шутит ли она. Когда выражение её лица не изменилось, его кривая усмешка превратилась в благодарную улыбку.

– Знаешь, Ангербода, – сказал он, – я и правда считаю, что мы подружимся.

Ангербода поселилась на дальневосточной окраине Железного Леса, где деревья практически вплотную прижимались к крутым горам, граничащим с Ётунхеймом. Она наткнулась на поляну у подножия одной из таких гор, где

обнаружила выступ скалы, ведущий в пещеру, достаточно большую, чтобы в ней можно было стоять в полный рост. Войдя, она заметила, что в скале над головой была прорублена дыра, а под ней лежали остатки очага.

Всё это место было до дрожи знакомо. Как будто оно ждало именно её.

Она обустроила очаг и сложила длинную печь из камней, которые собрала в лесу. Сама пещера была такого же размера, как любое скромное жильё в Ётунхейме: достаточно просторная для мебели и с большим количеством места для хранения в задней части, где потолок спускался ниже. Днём внутренняя часть пещеры освещалась солнцем, проникающим через вход; ночью женщина поддерживала огонь в печи, разгоняя с помощью него темноту своего нового дома.

– Пещера? – сказал Локи, моргнув, когда она в первый раз провела его внутрь. – А почему бы не построить чертог?

– Я скрываюсь. Чертог был бы слишком заметен.

Локи только пожал плечами. Она подметила, что он и не поинтересовался, от кого же она скрывается, хотя и был одним из них. Ведьма понимала: с тех пор, как он открыл ей, что связан с Одином, она должна быть настороже, но что-то подсказывало ей, что он не тот, кем кажется. И именно это подсознательное чувство удерживало её от бегства в поисках другой пещеры каждый раз, когда он уходил.

После той первой встречи они виделись всякий раз, когда он наведывался в Железный Лес. Локи, как вскоре обнаружила Ангербода, легко менял обличья, так что он мог довольно быстро добраться до неё из Асгарда, обернувшись птицей. Иногда он заглядывал, чтобы поддразнить её и поболтать, а порой даже оставался на ночь-другую и потешно храпел на полу её пещеры, уткнувшись в свой скомканный плащ, который служил ему подушкой. Сама же она спала редко.

Ангербода не знала, сколько времени прошло с тех пор, как они повстречались у реки, но её светлые пепельно-каштановые волосы заметно отросли красивыми прямыми прядями; она часто заплетала их в тонкую косу, перекинутую через плечо, или закалывала сзади в свободный пучок на затылке. Её бледная из-за

постоянного нахождения в пещере кожа быстро зажила после ожогов, и теперь Ангербода выглядела намного моложе. Лишь тёмные круги под глазами никуда не делись.

Своё сердце ведьма вернула на место. Она практически полностью покинула своё тело, чтобы приглушить боль, но при этом оставила тонкую ниточку связи, чтобы иметь возможность двигать руками. Так она смогла заново вскрыть свою рану в том месте, где её пронзили копьем, и после всего на её груди остался лишь вертикальный шрам. Но всё равно Ангербоду не покидало ощущение, что чего-то не хватает. Как будто пустота в её груди не заполнилась полностью.

И всё же она выжила и неплохо устроилась. От реки, возле которой она впервые встретила Локи, извивался ручей. Он подходил достаточно близко к её пещере, так что оказалось вполне удобно ходить туда и обратно за водой и стирать те немногие предметы одежды, что у неё имелись. Ей также удалось собрать небольшое количество меховых шкур и обустроить постель, но не хватало еды. Животных в Железном Лесу почти не водилось.

Однажды Ангербода вышла проверить расставленные среди деревьев силки, но, увидев, что в них нет дичи, побрела к ручью ловить рыбу. Несколько часов она просидела на берегу, изнывая от скуки. Клёва всё не было, и она уже почти задремала, прислонившись к дереву, как вдруг мимо её головы просвистела стрела и вонзилась в кору в трёх дюймах от её лица.

Когда первое потрясение схлынуло, Ангербода с широко раскрытыми глазами начала озираться в поисках стрелка. Из-за деревьев по ту сторону ручья показалась ётунша: широкоплечая женщина в короткой шерстяной тунике и штанах, с мешком на плече. В руках она держала лук, пустой колчан бился о бедро, а с пояса свисало несколько жирных кроликов.

– Ты не кролик, – произнесла женщина. Голос её прозвучал раздосадованно.

– Ты меня чуть не убила, – ответила Ангербода, яростно моргая.

– А что ты здесь, собственно, делаешь? Разве ты не знаешь, что это мёртвый лес?

Хотя она выглядела не старше Ангербоды, ётунша смотрела на неё свысока, как будто умудрённая опытом ведьма была всего-навсего непослушным ребёнком. Это пришлось не по душе Ангербоде, так что в ответ она лишь молча воззрилась ей в глаза. Женщина окинула её ещё одним оценивающим взглядом и затем продолжила:

– Почему бы тебе не вытащить мою стрелу из дерева и не присоединиться к моей трапезе? Этим я хоть немного могу загладить вину за то, что чуть не застрелила тебя.

– Со мной поступали и похуже, – проворчала Ангербода, откладывая в сторону самодельную удочку.

В это время года ручей был мельче обычного, и ей потребовалось лишь перепрыгнуть через несколько камней, чтобы добраться до другого берега. Пока колдунья разжигала костер, великанша ловко освежевала двух кроликов, представилась Скади, дочь Тьяцци, и с гордостью добавила, что она известна в Ётунхейме как Охотница благодаря своим навыкам звероловства и стрельбы из лука. Она была по-своему симпатичной: с толстыми светлыми косами, видневшимися из-под отороченной мехом шапки, крепкими проворными руками и льдисто-голубыми глазами.

Ангербода представилась, и Скади только кивнула в ответ, лишь мимолетно смешавшись при звуке её имени.

– Так, значит, ты живёшь в этих краях? – поинтересовалась ведьма, когда Скади поставила кроличье мясо вариться в маленьком железном котелке, который выудила из мешка.

Ётунша покачала головой.

– Я живу в горах, но гораздо севернее и дальше вглубь наших земель. А ты откуда родом? Я с трудом разбираю твой говор.

– Всё дело в возрасте, – честно призналась Ангербода. – Я намного старше, чем выгляжу. Если ты пришла с гор, где же твои лыжи?

– Здесь ещё не выпал снег, так что лыжи пришлось оставить по дороге.

– Что же тогда привело тебя сюда? В этих лесах нет ничего, кроме мелкой дичи, да и той негусто. В горах добыча для тебя, несомненно, куда богаче.

Скади помешала ножом содержимое котелка и улыбнулась собеседнице через языки пламени.

– Это из-за легенды, которую рассказывают у нас, в Ётунхейме. Говорят, колдунья, прародительница волков, всё ещё обитает где-то в этих краях. Она – из древнего рода ётунов, а все они якобы давным-давно жили здесь, в Железном Лесу. Я иногда углубляюсь в чащу во время охоты, но никогда никого не встречала. А сегодня утром я увидела дым в предгорьях и не смогла удержаться, чтобы не проверить. Полагаю, это была всего лишь ты, верно?

– Бесспорно. – Ангербода сделала паузу, тщательно подбирая следующие слова. – Я и правда ведьма, но, верно, не та, которую ты разыскиваешь.

– Ведьма, – эхом отозвалась Скади. – Какого рода ведьма?

Женщина пожала плечами.

– Что ты умеешь делать?

– Полагаю, ничего впечатляющего, – задумчиво произнесла Ангербода. – У меня ведь даже дом не обставлен.

У неё и котелка-то не было, чтобы потушить мясо. Может быть, она и была колдуньей, но уж точно не обладала достаточными умениями, когда дело касалось бытовых приспособлений, мебели и всего того, что необходимо, чтобы с комфортом обстроить свою новую жизнь.

Скади отвлеклась от котелка и уставилась на неё – отчасти с подозрением, отчасти с тем же недоумением, что сквозило во взгляде Локи, когда он впервые увидел её новое жилище. Но Ангербода невозмутимо продолжала смотреть прямо на неё и лишь плотнее закуталась в плащ. Приближалась ночь.

– Хм, – наконец произнесла Скади и продолжила помешивать варево, но выражение её лица подсказывало, что думает она совсем не о супе. – Но ты должна уметь хоть что-то, если называешь себя ведьмой. Например, некоторые ведьмы, о которых я слышала, могут творить сейд. Как Фрейя. Ты это умеешь?

– Ты знаешь о Фрейе? – осторожно спросила Ангербода.

– Слышала разговоры. Пока торгуешь, можно многое услышать. Ты знаешь про войну? – уточнила Скади, ошибочно приняв отстранённое выражение лица собеседницы за замешательство. – Между асами и ванами?

Колдунья кивнула. В один из своих визитов Локи рассказал ей о том, что произошло после её бегства из Асгарда.

– Я знаю о войне, – сказала она, – но едва ли в подробностях. На самом деле я слышала, что войны и не случилось: её только объявили, а затем сразу перемирие. Только как же им удалось его заключить?

– Они обменялись заложниками, – объяснила Охотница. – Ньёрд из ванов, его сын и дочь, Фрейр и Фрейя, в обмен на двух асов, одним из которых был Мимир.

Брови Ангербоды взлетели вверх, как только прозвучало ещё одно знакомое имя.

– Мимир? Самый ценный советник Одина? Эти заложники из ванов, должно быть, действительно важны, раз он согласился на такую утрату.

– О, не волнуйся, – мрачно сказала Скади. – Асы редко играют по правилам. В конце концов Один вернул его – по крайней мере, его голову...

Ведьма вздрогнула.

– И всё же... Даже для того, чтобы вначале согласиться на такую сделку... Кто эти ваны? Что в них особенного?

– Ньёрд – какой-то морской бог, но его дочь, Фрейя, якобы самая прекрасная из женщин, и говорят, что именно она научила самого Одина сейду.

– Да неужели?

«Вот и хорошо, пусть говорят, – подумала Ангербода. – Скоро никто и не вспомнит о трижды сожжённой ведьме, и меня оставят в покое».

– Да, – продолжала ётунша, – и теперь Фрейя живет среди асов. Я слышала, что у неё есть свой чертог и всё такое.

Колдунья поёрзала и ещё плотнее закуталась в плащ. Фрейя – до войны она была совсем молоденькой – одна из первых в Ванахейме стала уговаривать Гулльвейг научить её сейду, и это так хорошо отложилось в памяти потому, что девушка была изумительно красива и необычайно убедительна. Лица её и Одина были единственными, что Ангербода отчётливо помнила с тех времен, когда была Гулль-вейг.

– Так что, ты умеешь делать то же, что и Фрейя? – спросила её Скади.

– И да и нет, – медленно произнесла женщина, надеясь увести разговор от сейда. – Но у меня есть и другие полезные способности.

Охотница, казалось, задумалась. Она наполнила тушёным мясом маленькую деревянную миску, которая была у неё с собой, и передала её Ангербоде, а сама принялась есть прямо из котелка.

– Я пытаюсь придумать, как тебе помочь, – наконец произнесла Скади. – Потому что мне хочется тебе помочь. Но я человек торговый и знаю толк лишь в деловых сделках. Так вот, природа сделок такова: нужно предложить что-то в обмен на что-то другое. Отсюда и вопрос: что же ты можешь предложить?

Ангербода замолчала, задумавшись. Что ещё она умела, кроме сейда? Почти ничего ей не вспоминалось из своего прошлого... кроме её магии. Это было такой же её неотделимой сутью, как сама душа, и столь же ясно стояло в её памяти, как утренний завтрак.

– Я умею варить зелья, – ответила она наконец. – Хотя под рукой у меня сейчас нет нужных ингреди-ентов.

Она указала на голые деревья, плотно обступавшие их:

– Здесь просто не с чем работать.

Скади улыбнулась.

– У одной из моих родственниц славный сад. Я могла бы обменять пойманную дичь на любые растения, какие ты пожелаешь. А потом я могла бы отдать тебе эти растения в обмен на зелья, которые, в свою очередь, смогу обменять на всё остальное, что тебе понадобится... за долю, конечно.

– Само собой, – согласно отозвалась Ангербода, благодарная великанше уже за то, что она с самого начала миролюбиво подошла к самой идее. – В конце концов, большую часть работы будешь делать ты, так что можешь брать себе любую часть со всех сделок – мне же нужно совсем немного.

Она помолчала и добавила:

– Хотя мне хотелось бы полюбопытствовать, какая тебе выгода со всего этого. Я ведь живу так далеко от любых торговых путей. Да и вообще от путей, если уж на то пошло.

Охотница пожала плечами.

– Тут ты права. Но в конечном счете всё сводится к тому, насколько хороши твои зелья. Если они стоят того, я смогу за них много выручить, тогда поездки к тебе будут окупать стоимость моего времени. Какие снадобья ты можешь приготовить?

– Для начала целебные мази. И амулеты для лечения болезней, – сказала Ангербода и сделала глоток из миски с рагу. Еда была восхитительной, особенно учитывая, что ведьма довольно долго перебивалась костлявыми кроликами, обугленными на прутиках над её печью. – И ещё зелья, чтобы утолять голод, такие особенно полезны зимой.

Её слова произвели впечатление на Скади.

– За такие снадобья можно выручить кругленькую сумму. Конечно, если они действуют.

– Поверь мне, – сказала Ангербода с намёком на улыбку, – они прекрасно действуют.

Как оказалось, ведьма была права: Скади торговала её зельями в Ётунхейме и за его пределами и выручала за них так много, что теперь частенько навевалась в пещеру Ангербоды с предметами домашнего обихода – ножами, ложками, постельным бельём, шерстяными тканями, котелком, топором для дров – и дичью, которую либо ловила сама, либо выменивала. Их сотрудничество выглядело так: Охотница привозила крупные деревянные ящики, заставленные маленькими глиняными горшочками, закрытыми крышками и со всех сторон обёрнутыми нечёсаной шерстью, чтобы они не разбились при транспортировке. Ангербода же наполняла горшки своими зельями и возвращала их Скади, которая взамен привозила ей новый ящик пустых горшков.

Некоторые вещи, которые приносила Охотница, дали ведьме повод думать, что её зелья снискали славу и за пределами Ётунхейма. Скади объяснила, что у неё есть несколько знакомых, которые торгуют с гномами в Нидавеллире, с тёмными альвами в Свартальвхейме и даже с людьми в Мидгарде. О каких-то товарах из Мидгарда Ангербода никогда раньше даже не слыхала: например, о прекрасных тканях из этих земель.

– Это называется «шёлк», – сообщила ётунша, привезя с собой один особенно восхитительный отрез блестящей материи. – Люди пересекают огромные океаны на своих длинных кораблях, чтобы заполучить его, так что эта ткань прошла довольно долгий путь.

– Зачем мне подобная роскошь, – вздохнула Ангербода, с благоговением проводя пальцами по гладкой поверхности шёлка. Закончилось тем, что она вернула его Скади в обмен на нечто гораздо более ценное для неё: маленький кувшин вкуснейшего меда, который Ангербода когда-либо пробовала и над которым она теперь тряслась от жадности, как дракон над золотом.

Вдобавок ко всему прочему, Охотница научила новую подругу правильно расставлять силки, чтобы ловить свежую дичь, а однажды начала привозить с

высокогорья брёвна на своих санях и складывать их возле пещеры Ангербоды. Когда груда брёвен стала довольно большой, ётунша объявила, что пора обзавестись мебелью.

– Но... я не умею сколачивать мебель, – запинаясь, проговорила Ангербода. Уверена, что смогла бы придумать, как наколдовать что-нибудь из досок и брусков, но вряд ли результат порадовал бы глаз.

– Я тебе покажу. У меня есть инструменты, – сказала Скади и достала их из мешка. – Поверь, мы, женщины с гор, умеем всё.

И великанша соорудила для неё стол, две скамьи и каркас кровати, которую затем приставили к стене и застелили одеялами и мехами поверх двух полос льна, сшитых Ангербодой и набитых соломой вместо матраса. Через некоторое время Скади смастерила для неё ещё один столик поменьше и шкафчик для зелий, но лучшим было последнее творение Охотницы: добротное кресло, чтобы отдыхать у огня. Ангербода украсила его узорчатой резьбой и завитушками и накрыла сиденье пушистыми шкурами для удобства и мягкости.

Ётунша также привезла свечи, чтобы осветить тёмное пристанище Ангербоды – особенно её рабочий стол: он находился у стены, так что, смешивая зелья, ведьме приходилось стоять спиной к очагу в центре помещения. Свечи подспели как нельзя кстати, ведь близились долгие зимние ночи. Раньше Ангербода обычно проводила их съёжившись в задней части пещеры, держась на одном из зелий для утоления голода, которые она на скорую руку готовила из тех травок, что смогла найти в Железном Лесу. Эти снадобья действовали достаточно хорошо, но вкусом не блистали— в их составе всегда чего-то недоставало.

Но теперь у неё была Скади, которая доставляла необходимые растения, чтобы улучшить вкус отваров, да и ей больше не нужно было утолять голод своими же зельями; благодаря Охотнице у неё теперь всегда был запас сушёного мяса и несколько дойных коз. Козы во время перегона к пещере неплохо откормились, за что Ангербода была особенно признательна, так как в её удалённой от мира части леса и предгорьях было мало травы, на которой они могли бы пастись.

– Может быть, в этом году всё станет по-другому, – надеялась Ангербода. – С каждой весной Железный Лес выглядит немного более зелёным. Но, возможно,

мне это просто кажется.

Локи по-прежнему заходил к ней в гости на досуге. Ей было приятно его общество, а потому вполне устраивали его визиты, но порой его было слишком много. Тишина и покой являлись единственными компаньонами, которым она могла доверять; Локи же не интересовали ни тишина, ни покой, да и сам он не казался таким уж надёжным. Одним из его любимых развлечений было жаловаться на то, какой неинтересной она стала с тех пор, как перестала быть Гульвейг.

Однако он был слегка озадачен, когда однажды вошёл в пещеру и обнаружил, что та полностью обставлена. Ангербода наслаждалась его удивлённым выражением лица, пока гость всё осматривал.

– Ты как раз к ужину, – сообщила она, помешивая тушёное мясо в котелке над очагом.

– У тебя теперь и стол имеется? – воскликнул Локи. – А ты действительно умеешь устроиться в жизни, да? Кстати, откуда у тебя всё это? Даже дверь есть! Я думал, ты никогда не поставишь её.

Колдунья пожала плечами. Ей не хотелось, чтобы вход в её жилище был слишком заметен со стороны – сейчас всё это выглядело как груда замшелых валунов у подножья горы, и лишь дымок поднимался из невидимой глазу расщелины над очагом. Но она всё же решила, что хоть какая-то дверь необходима, так что Скади сколотила что-то вроде деревянного щита, чтобы прикрыть вход.

Ангербода старалась особо не задумываться на тему древних железных петель, которые они обнаружили прикреплёнными к стене у входа, когда измеряли дверной проём. Скади, казалось, и сама была взволнована находкой, но ничего не сказала, кроме того, что считает петли рабочими, прежде чем прикрепить к ним новую дверь.

– Мне удалось кое-что выменять, – ответила наконец женщина. – Зелья в обмен на вещи. Это довольно выгодно.

– Выменять у кого? – спросил Локи, изогнув бровь. – Только не говори мне, что у тебя теперь есть и другие друзья. Я потрясён.

– Так и было задумано.

– Ну а в остальном как жизнь? – Мужчина потыкал пальцем в кролика, свисавшего с потолка. – Скучаешь? Занята по горло?

– Вроде того.

– Вижу, у тебя теперь и огород есть, – сказал он, ухмыляясь.

– Да, – ответила ведьма с улыбкой, не обращая внимания на его снисходительный тон.

В начале этого года Скади принесла ей семена, садовые инструменты и даже простую соломенную шляпу с широкими полями, и Ангербода принялась за работу. Она весьма гордилась своим огородом – на нём выросло ровно столько свежих корнеплодов, капусты и трав для специй, сколько ей требовалось.

– Как чудесно по-домашнему, – сухо заметил Локи. – Что готовишь?

– Рагу из кролика.

– Ты когда-нибудь ешь хоть что-нибудь, кроме кролика?

– Если не хочешь моего рагу, можешь отправляться восвояси.

– А ведь когда-то ты была могущественной ведьмой, которая занималась захватывающими делами.

– Я по-прежнему могущественная ведьма, о чём тебе лучше не забывать. – Она разлила похлёбку по тарелкам и передала одну ему, когда они сели за новый стол друг против друга. – Как поживают боги?

Мужчина болтал и болтал, останавливаясь только для того, чтобы поесть. И, слушая его, Ангербода старалась не задумываться о горечи, проступающей в его голосе, когда он повествовал ей об Асгарде.

Однажды дождливой ночью, вскоре после этого, ведьма сидела в кресле у огня, когда промокший и спотыкающийся Локи появился у входа в её пещеру. Повернувшись к ней спиной, гость закрыл за собой дверь, его плечи поникли, и весь он дрожал. Капюшон был поднят, закрывая лицо.

– Локи? – нерешительно спросила она, вставая. – Что привело тебя сюда так поздно?

Он подошёл и опустился на скамью, положив голову на стол. Его дыхание было прерывистым и тяжёлым, а кулаки сжались так сильно, что костяшки пальцев побелели.

Встревоженная Ангербода подошла и села рядом на скамью, осторожно положив руку ему на плечо. Он дернулся и чуть приподнял голову, открывая вид на небольшую лужицу крови, уже успевшую натечь на стол. Женщина побледнела и хотела было откинуть его капюшон, но Локи вновь опустил голову на руки и больше не шевелился.

– Что ты натворил? – спросила она.

– Ничего, – ответил он приглушённым и странным голосом. – Почему ты считаешь, что я что-то натворил?

– Потому что ты всё время только этим и занимаешься. Насколько я смогла тебя узнать, ты не можешь удержать язык за зубами, даже чтобы спасти свою собственную жизнь. – Она нахмурилась ещё сильнее, заметив кровь на его предплечье. – Что произошло?

– Ничего.

Она снова положила руку ему на плечо:

– Позволь мне взглянуть на твоё лицо.

– Нет. – Локи сел ровнее, но его лицо всё ещё было скрыто капюшоном, и в этот момент Ангербода увидел, что его накидка впереди пропиталась кровью. – Оставь меня.

– Ты бы и не кинулся ко мне в такую даль, если бы хотел, чтобы я тебя не трогала.

– Мне больше некуда было идти, – сказал он очень тихо.

Ангербода сбросила с его головы капюшон, но мужчина отвернулся. Почувствовав, как его плечо лихорадочно задрожало под её рукой, она придвинулась ближе и произнесла:

– Я не смогу помочь, пока ты не покажешь мне.

Наконец он повернулся к ней так, чтобы она смогла увидеть, откуда идёт кровь. Его рот представлял собой искореженное месиво – его грубо зашили неровными стежками, используя толстый шнур. Локи разорвал ногтями примерно половину шва, и окровавленная бечёвка свисала с одной стороны.

У неё перехватило дыхание, когда она посмотрела сначала на раны, а затем в его зелёные глаза, налитые кровью и остекленевшие, беспомощно вззирающие на неё в ответ.

Не произнося ни слова, Ангербода вытащила из толстых кожаных ножен на поясе недавний подарок Скади – изящный кинжал с рукояткой из оленьего рога – и вспорола стежки так близко к его коже, как только могла. Локи вздрогнул от прикосновения, и его глаза наполнились слезами, когда её ловкие пальцы начали осторожно вытаскивать остатки бечёвки, но он не произнёс ни слова. Завершив, она прижала к его рту сухую ткань, чтобы остановить кровотечение, и сказала, что скоро вернётся. Мужчина посмотрел мимо неё мутным взглядом и кивнул.

Дождь немного утих. Она принесла две бадьи воды из ручья и перелила одну в котелок над огнём, а когда вода нагрелась, намочила чистый льняной лоскут и

молча промокнула ему рот. На этот раз Локи даже не вздрогнул.

– Стоит спрашивать, почему они с тобой такое сотворили? – сказала она наконец. – Или что за неприятности ты причинил им, чтобы навлечь на себя подобное?

– Всего парочку выходок, но затем всё исправил, как обычно. А в процессе просто не смог удержать язык за зубами. – Он закатил глаза. – Всё как ты и сказала.

Она слабо улыбнулась, продолжая обтирать его губы.

– Подумать только. И какие же выходки были на этот раз?

– Ты знаешь Сиф, жену Тора? Так вот, в то время, когда он пировал с остальными богами, я пробрался в их покои и остриг её наголо, пока она спала. Она даже не шелохнулась. Но зато наутро весь Асгард слышал её вопли. Правда, потом весь Асгард слышал уже мои вопли, когда Тор гнался за мной и грозил переломать каждую косточку в моём теле, если я всё не исправлю.

Ангербода моргнула и жестом велела ему прижать ткань ко рту.

– А почему, собственно, ты с ней так поступил?

– Это была скорее шутка над Тором, чем над Сиф. Он так любил её волосы. – Локи пожал плечами, но в его голосе прозвучала странная боль, когда он добавил: – Я думал, будет забавно.

– Не понимаю твоего чувства юмора, – сухо произнесла Ангербода. Она пересекла пещеру по направлению к своему шкафчику с зельями и принялась готовить свежую целебную мазь. – И не только его. Что же случилось дальше?

– Я бился о заклад и проиграл. В поисках новых волос для Сиф я отправился к гномам и получил ещё два предмета, помимо волос. Потом я встретил других братьев-гномов и поспорил с ними, что они не смогут выковать такие же отличные вещи, как те, что у меня уже были. А потом боги признали лучшим второй набор предметов[1 - Подробнее об этих событиях можно прочитать в

мифе о золотых волосах Сиф.]. И если бы не мой изворотливый ум, не сносить бы мне сейчас головы.

– Почему?

– Потому что я бился о заклад на свою голову. Но про шею-то речи не было, понимаешь? Так что гномы решили вместо этого зашить мне рот шилом.

Колдунья быстро произнесла заклинание над мазью в крошечном глиняном горшочке, затем повернулась и искоса взглянула на него.

– Это было глупое пари, а результат его – ещё глупее.

– Не совсем. Теперь асы владеют прекрасными вещами, и всё благодаря мне.

– И что же это за прекрасные вещи?

– Ну, теперь у Тора есть молот с короткой ручкой, с которым можно делать что угодно, а у Сиф – настоящие золотые волосы. У Одина есть копье, которое никогда не промахивается, и волшебное кольцо Драупнир, а у Фрейра – золотой кабан и корабль, который можно сложить и взять с собой и которому всегда дует попутный ветер.

– Действительно, отличные дары. Теперь можешь положить тряпку.

– Да, но, к сожалению, это не помешало Тору и Фрейру удерживать меня, пока гномы зашивали мне рот.

Когда Ангербода вернулась к нему и опустила палец в глиняный горшок с мазью, он посмотрел на неё с настороженностью ребёнка, которому предлагают съесть на обед что-то новое, а после того, как она намазала его губы зеленоватой массой, скорчил гримасу.

– И это ты продаёшь своей подруге Скади? Люди готовы обменивать на это свои товары?

– С мазью раны заживут быстрее, чем сами по себе. Но у тебя останутся шрамы, особенно с той стороны, где ты расцарапал себе лицо, как животное. И, кроме того, это снадобье свежее и более эффективное, потому что я приготовила его для твоих ран, так что оно исцелит всё быстрее, чем те зелья в горшочках, которые я передаю Скади на продажу.

– Ну уж теперь-то мне здорово полегчало.

– Естественно. Ты в хороших руках, уж поверь.

– Не нужно так скромничать.

Она закатила глаза:

– Я пытаюсь. Но получается редко.

– Так и знал, что знакомство с ведьмой однажды пригодится. Когда я смогу стереть это с лица?

– Когда кровь идти перестанет. – Ангербода размазала остатки содержимого горшочка вокруг его рта с большей силой, чем намеревалась, от чего он поморщился. – Немного благодарности бы не помешало.

– Благодарность? Ума не приложу, где её можно найти. Быть может, отдашь ещё немного этой вонючей гадости своей подруге Скади, глядишь, она в обмен и отыщет.

– Перестань шевелить губами, или ты сведёшь на нет все мои труды. – Она вздохнула, поставила глиняный горшок на стол и сложила руки на груди. – Чувствую, что мне не раз придётся вытаскивать тебя из неприятностей.

– Ты не вытаскиваешь меня из неприятностей. Ты меня латаешь. А из неприятностей я выпутался сам.

– И что же, интересно, труднее? – Ангербода взяла новый отрез ткани и промокнула капли свежей крови, которые выступили на его губах, просочившись сквозь слой мази. – Видишь? У тебя снова пошла кровь от того, что ты столько

болтаешь. Вероятно, тебе какое-то время следует держать рот на замке и дать ранам затянуться.

Локи протянул руку, взял её за запястье и криво ухмыльнулся.

– Это вряд ли.

Эта улыбка, хоть и была окровавленной и искривлённой, заставила её замереть, задержав руку с тканью у уголка его рта.

– Спасибо, – произнёс он, полуприкрыв глаза, и выражение его лица неожиданно смягчилось.

Ведьма вздрогнула, отодвинулась от него и начала собирать все окровавленные и испачканные тряпки в одно из вёдер.

– Ты совершенно невыносимый человек, Локи Лаувейярсон.

Мужчина обиженно уточнил:

– Почему это?

Ангербода подняла ведро.

– Я пойду к ручью, постираю их. В другой кадке есть ещё вода, можешь привести себя в порядок.

– Я мог бы просто немного постоять под дождём и избавить себя от лишних хлопот.

Он стянул грязные кожаные ботинки и промокшие шерстяные носки и свалил их друг на друга у входа в пещеру.

– Я бы предпочла, чтобы ты этого не делал, – ответила ведьма, поджав губы при мысли о засохшей грязи, которую ей придётся наутро выметать из пещеры.

Локи принялся разматывать длинные полосы ткани, которыми, как обычно у мужчин, были обмотаны его икры.

– Я действительно тебя раздражаю, да?

Ангербода проигнорировала его вопрос, отнесла ведро к выходу из пещеры и, нахмурившись, выглянула наружу. Дождь лил сильнее, чем раньше.

– Пожалуй, я не стану затевать стирку до утра.

Она обернулась, но сразу же отвела глаза, так как Локи как раз снял свою окровавленную тунику и теперь, держа её двумя пальцами, большим и указательным, макал во вторую бадью.

– Так ты её не отстираешь, – вздохнула женщина и, оставив ведро, поспешила забрать одежду, всё же бросив украдкой короткий взгляд на его довольно худощавый и не слишком мускулистый торс. Она приказала себе не разглядывать гостя слишком пристально и перенесла своё внимание на тунику: расстелила её на столе и начала тряпкой оттирать пятна крови.

– Мои штаны тоже грязные, – невинно произнёс Локи, потянувшись к завязкам на упомянутой одежде, но Ангербода подняла руку, чтобы остановить его:

– Не нужно снимать их прямо сейчас.

– Неужели ты хочешь, чтобы я запачкал твою постель?

– А при чём здесь моя постель?

– Я мог бы лечь спать в одном из твоих платьев. Мне по душе платья. Если только у тебя есть запасные, конечно. Потому что то, что на тебе сейчас, мне кажется довольно грязным. Ты в нем спишь?

Колдунья решила не развивать тему платья.

– Какое тебе дело до того, в чём я сплю? И не думаешь же ты всерьёз, будто сегодня спишь в моей кровати – это ведь моя кровать, да и всё остальное тоже.

– Тогда, полагаю, нам придётся спать в ней вместе, – пожал плечами Локи. К её огромному облегчению, он всё ещё оставался в брюках. – Я ранен и пересёк несколько миров, чтобы добраться сюда. Можешь хотя бы удобное место для сна мне выделить, Железная Ведьма Ангербода.

Женщина слегка улыбнулась: это прозвище прозвучало неплохо.

– Ты так назвал меня из-за того, где я живу?

– Нет, из-за твоего несгибаемого характера.

– Как это мило с твоей стороны. – Она закончила с его мокрой туникой и повесила её на спинку стула, чтобы подсушить. – Твои штаны не настолько грязные, чтобы их стирать, но я постараюсь убрать пятна. Для этого не требуется их снимать, вполне справлюсь и так.

– Прекрасно. – Он плюхнулся на кровать. – Я голоден.

– Так встань и возьми еды. Я что, твоя мамочка?

– Нет, и я благодарен за это. – Мужчина вытянулся на одеялах, заложил руки за голову и, согнув одно колено, закинул сверху другую ногу. – Если бы ты была моей матерью, у меня был бы такой же простоватый выговор, как у тебя. Нет, моя матушка была той ещё штучкой.

– Должно быть, это семейное, – сказала Ангербода, садясь рядом с ним, чтобы оттереть пятно крови со штанов. – Тогда почему ты используешь её имя в Асгарде? Почему бы тебе не представляться именем отца?

– Ну, она была больше похожа на асов, чем мой отец. Или, по крайней мере, мне так кажется. – Он нахмурился. – Я не уверен. Возможно, она была одной из них. А вот он точно был великаном. Уж это я помню.

Колдунья помолчала.

– Ты не знаешь точно?

Локи посмотрел на неё со странной серьёзностью. Лечебная мазь делала своё дело – было видно, как под зелёной массой начинают образовываться струпья.

– Я мало что помню о своей жизни до Асгарда. И не говори мне, что ты многое помнишь о том времени, пока не стала Гульвейг.

– Нет, и это уже долгое время беспокоит меня, – призналась она, заканчивая с последним пятном. Брюки, конечно, не стали выглядеть лучше, но теперь пятна были менее заметны, чем раньше. Ведьма протянула ему последний чистый лоскут ткани. – Вот, теперь можешь вытирать рот.

– Может быть, это не так уж и важно, – предположил он, бросая тряпку, испачканную в зелёной жиже, в уже переполненное ведро. – На самом деле не имеет значения, откуда мы, как считаешь? Мы живём здесь и сейчас. Мы – те, кто мы есть. Что ещё нужно?

Ангербода встала и, тоже положив свою тряпку рядом с грязными вещами, внезапно почувствовала себя опустошённой. Она подбросила дров в огонь, взяла со стола костяной гребень, расплела косу и, сев в кресло, принялась распутывать волосы. Женщина слышала, как Локи ёрзает на кровати, но никто из них больше не произнёс ни слова.

– Ты когда-нибудь сидишь спокойно? – почти закончив, поинтересовалась она. Он не ответил, и, обернувшись, Ангербода увидела, что её гость растянулся на животе под грудой мехов и неубедительно храпит. Тогда она встала и подошла к кровати, собираясь взять у него одну из шкур, чтобы поудобнее устроиться в кресле на ночь – она по-прежнему мало спала. Но, подойдя ближе, женщина увидела, что он дрожит и вряд ли готов расстаться даже с одним одеялом.

На мгновение колдунья замерла в нерешительности, а затем сняла пояс, квадрат ткани, который она повязала вокруг талии в качестве фартука, и шерстяное верхнее платье, оставив только льняную нижнюю сорочку, которую планировала постирать. Будь она одна этой ночью, то не стала бы переодеваться, но, искоса взглянув на «спящего» Локи, женщина вытащила из сундука, сделанного для неё Скади, ещё одну льняную сорочку и украдкой переоделась.

Ангербода появилась в Железном Лесу совсем недавно, и всё, что тогда у неё имелось, – это то, во что она была одета. Так что она считала, что ей повезло:

теперь у неё были и время, и возможность сшить себе сменную одежду, да ещё и из таких качественных материалов, как тёплая шерсть и плотное льняное полотно, что Скади раздобыла для неё.

Оказалось, что те, у кого Охотница выменивала растения, выращивали ещё и лён, а также владели большим поголовьем овец. И ещё, по-видимому, у них было много свободного времени, чтобы обрабатывать сырьё, прясть и ткать. Это более чем устраивало Ангербоду, которую все эти дела раздражали и утомляли, хотя многие женщины, наоборот, находили подобные занятия полезными и успокаивающими. Чем больше излишков тканей будет у них появляться, – часто думала она, – тем охотнее я готова обмениваться плодами наших трудов.

– Я думал, ты не собираешься ложиться вместе со мной, – пробормотал Локи, когда она скользнула в постель рядом с ним. Он обиженно выпятил верхнюю губу. – Это из-за того, что я замёрз и изранен?

Она вздохнула про себя и порадовалась, что переделалась быстро и по возможности незаметно, заподозрив его в бодрствовании. По её опыту, когда он действительно спал – обычно за столом лицом вниз – его храп был гораздо более раздражающим.

– Возможно, это потому, что мне тебя жалко, а я испытываю непреодолимое желание заботиться о тех, кого жалею, – тихо произнесла Ангербода. – Это очень похоже на твоё непреодолимое желание продолжать болтать, когда лучше остановиться и немного подумать.

Вместо ответа Локи придвинулся к ней так близко, что между ними практически не осталось свободного пространства, но при этом их тела по-прежнему не соприкасались. Через несколько минут мужчина уже спал, а она всё лежала без сна, слушала, как он храпит, и ощущала странный трепет в груди, непрошеное волнение внутри – как будто что-то в ней пробуждалось. Определённо, было бы лучше, если бы это что-то продолжало спать, и как можно глубже, в самых дальних уголках её сознания. Так далеко, чтобы её не беспокоить.

Но Локи был непревзойдённым возмутителем спокойствия.

Её разбудил громкий шум, сопровождаемый приглушённой бранью Локи. Ангербода села и сонно потеряла глаза, но стоило ей увидеть, какой разгром её гость устроил на кухне, она сразу же почувствовала себя проснувшейся.

– Я пытался приготовить завтрак, – жалобно произнёс он, заметив её взгляд. К счастью, его туника высохла за ночь и снова была на нём.

– Из чего? – спросила она, выбираясь из постели.

– Полагаю, из сушёного мяса и яиц, – сказал он. – Ведь больше у тебя в кладовой ничего нет. А я, между прочим, голоден. Ты плохо обращаешься с гостями.

Ангербода проигнорировала претензии, учитывая, что прошлой ночью она не только исцелила его, но ещё и вычистила одежду и позволила спать в своей кровати.

– Как твои раны?

– Как видишь, я разговариваю.

– Как раз это совершенно ни о чём не говорит. – Она подошла к нему и осмотрела губы. Его взгляд снова смягчился, как и прошлой ночью. И снова в её груди что-то затрепетало – сердце, поняла она и мысленно выругалась.

– Видишь? – тихо спросил Локи, указывая на шрамы. – Всё зажило.

Ведьма встrepенулась и отошла от него, внезапно почувствовав, что ей не хватает воздуха. Он занимал слишком много места – и в её пещере, и в её голове.

– Выпей пока эля. А я пойду соберу ягод к завтраку.

Она видела, как солнце светит сквозь щёлочки в двери, и решила, что утро будет тёплым, поэтому не стала надевать шерстяное платье, но всё же повязала пояс и поверх него фартук. Потом налила кружку эля и пододвинула к нему через стол. Сделав глоток, Локи довольно сообщил:

– В этот раз намного лучше, чем обычно. Новый рецепт?

Ангербода слегка покраснела и схватила корзину. Не было необходимости объяснять, что у Скади пиво получалось настолько вкуснее, что ведьма перестала варить его сама.

– Нет, я его выменяла. Пей сколько желаешь.

– Тебе не придётся повторять дважды, – крикнул Локи ей вслед, когда она вышла, прикрыв за собой дверь.

Дождь утих, пока они спали, и, вдохнув полной грудью свежего осеннего воздуха, Ангербода сразу почувствовала себя лучше.

С тех пор как она впервые появилась в Железном Лесу после своего троекратного сожжения, Лес постепенно оживал, становясь всё зеленее и зеленее с каждой весной, и она не могла не заметить, что пробуждение природы, казалось, распространялось от того места, которое она себе облюбовала. Возможно, Лес таким образом выражал благодарность за то, что у него снова появился хотя бы один обитатель.

По мере того как ведьма удалялась от пещеры, заросли становились всё гуще, а деревья всё выше. К востоку от её жилища не было ничего, кроме гор на самом краю Ётунхейма. Скади приходила с севера, а Ангербода же теперь направлялась на юг вдоль края горной гряды, пытаясь найти какие-нибудь нетронутые ею или животными растения с ягодами. Довольно скоро она зашла в неисследованные места; даже Скади не могла найти следов животных в этой части Леса, так что ставить здесь силки было бессмысленно. Но так как остальные проверенные ей ягодные поляны были пусты, она решила, что по крайней мере осмот- рится.

Деревья как будто сомкнулись вокруг неё. Несколько раз ей казалось, что за спиной слышны шаги, но, оборачиваясь, женщина никого не видела. Она продолжала идти, но не могла избавиться от ощущения преследования. Ей казалось, что она слышит, как кто-то шепчется у неё за спиной, снова и снова неразборчиво повторяя что-то, – а потом какофония голосов, смеющихся и поющих, донесла до неё вместе с ветром слова...

Мать-Ведьма.

Вздвигнув, Ангербода зацепилась за что-то ногой и, покачнувшись, полетела на землю, выпустив из рук корзинку. Вытряхнув сухие листья и мусор из растрёпанных волос, она нащупала корзинку и только тогда заметила, что оказалась на поляне. Пытаясь рассмотреть, обо что именно она споткнулась, женщина увидела небольшой камень, а затем ещё несколько – наполовину заросшие подлеском, они располагались на небольшом расстоянии друг от друга, образуя круг.

– Фундамент, – подумала Ангербода. – Как будто оставшийся от дома.

Осмотревшись, она увидела, что вокруг поляны тянется ещё один каменный круг, даже более заметный, чем тот, о который она споткнулась. А в самом центре находилось кольцо из булыжников, расположенных чуть дальше друг от друга, – вероятно, остатки очага. Поднялся ветер, и колдунье показалось, что она снова слышит голоса – шёпот женщин, детский смех, волчий вой. Звуки были едва различимы, как потускневшее воспоминание, но она могла поклясться...

– Я думал, ты пошла за ягодами, – произнес Локи из-за её спины, и Ангербода подскочила, от неожиданности прижав руку к груди. Он криво улыбнулся, заметив её испуг: – Я не помешал?

Мне просто показалось. Ангербода усилием воли заставила своё сердце успокоиться.

– Что ты здесь делаешь?

– Пришёл посмотреть, что тебя так задержало.

– Ясно.

Женщина даже не услышала, как он следовал за ней.

Она опустилась на корточки и, нахмурившись, снова осмотрела фундамент. Локи присел рядом, глядя в ту же сторону, что и она, и произнёс, высокомерно выпятив верхнюю губу:

– Я, конечно, предполагал, что ты днями напролёт разглядываешь камни, но...

– Здесь кто-то жил раньше, – тихо проговорила она.

Сбитый с толку, Локи встал, но затем снова опустился.

– Да, теперь вижу. Может быть, ты спугнула их своими колдовскими чарами. Или своим жутким лицом, о Ангербода, женщина-троль.

Она ткнула его локтем под рёбра, и шутник демонстративно повалился на землю, схватившись за грудь.

– А что, если это и были женщины-тролли? – мягко спросила она, указывая на поляну.

Локи удивленно поднял брови и поднялся.

– Женщины-тролли из Ярнвида? Ведьмы Железного Леса?

От этого названия у неё внутри почему-то похолодело.

– Это... те самые, что жили здесь с волками? Из сказок?

– Да, так их иногда называют.

Ангербода встала, бросила последний взгляд на поляну и, развернувшись, направилась обратно в сторону пещеры. Она услышала, как Локи последовал за ней, и всю дорогу домой он ныл и жаловался, совершенно не придав значения её беспокойству от обнаружения руин:

– Так что там с завтраком?

Вскоре после этого мужчина ушёл и некоторое время не объявлялся, оставив её наедине со своими размышлениями. На поляну она больше не возвращалась, опасаясь, что если сделает это, то просто будет сидеть там, вслушиваясь в шепчущие на ветру голоса, ожидая, когда что-то произойдёт, и воспоминания

пробудятся в ней, открыв, почему так сильна её связь с этим древним местом. Так что на всякий случай она держалась от развалин подальше. Без Локи, который мог бы привести её в чувство, она боялась, что может и сама окаменеть на этой поляне – будет вглядываться в валуны днями напролёт, как он и сказал, пока не превратится в один из них.

Несколько дней спустя, поздним вечером, Локи зашёл в пещеру и с обеспокоенным видом сел рядом с ней. Ангербода приподняла со своих плеч край шерстяного одеяла и накрыла гостя. Подобная близость заставляла её сердце замирать, и она ругала себя за это. Снова пришло это головокружение, ощущение нехватки воздуха – но в этот раз ей некуда было сбежать.

Локи ничего не заметил. Его взгляд был прикован к огню, а её – к его губам. Раны уже полностью зажили, но, как она и предупреждала, шрамы с одной стороны были заметнее, чем с другой.

– Оно тебя не пугает? – спросил он.

– Ты о чём?

– Пламя. Ты его не боишься? После того, что случилось.

Ангербода покачала головой.

– Нет.

– Разве тебе не было больно?

– Открыть тебе секрет?

– Зависит от того, нужно ли мне пообещать, что сохраню его.

Колдунья наклонилась к нему, не обращая внимания на щемящее чувство в груди от их близости, и понизила голос:

– Исцеление было хуже ожогов. Потому что, сгорая на костре, я могла покинуть своё тело и ничего не чувствовать. Кстати, сердце я вернула на положенное

место таким же образом.

– Серьёзно? Я слышал, что искусство сейда позволяет делать подобное, но разве ты не поклялась больше ничем таким не заниматься? После всего, что случилось с тобой, когда ты была Гульвейг...

Ангербода пожала плечами:

– Да, но я не уходила далеко.

В противном случае Один мог бы узнать, где я скрываюсь.

Это была одна из многих причин, по которым колдунья зареклась впредь творить сейд. Если она зайдёт в своих бестелесных странствиях слишком далеко, то рискует уткнуться в Иггдрасиль, исполинский ясень, объединяющий Девять Миров, центр Мироздания. Один с лёгкостью путешествовал по мировому древу, так что она не осмеливалась даже приближаться к нему.

Локи ничего не ответил, и Ангербода повернулась к нему и сменила тему.

– Так что у тебя стряслось? Ты приходишь сюда только в те дни, когда тебе скучно или когда у тебя неприятности. Сегодня, судя по всему, подходит второе.

– Вовсе нет. – Локи поджал губы, словно пытаюсь сдержаться, но слова всё равно посыпались наружу. – Ну ладно, слушай... Недавно в Асгард пришёл один великан-строитель вместе со своим жеребцом и предложил возвести неприступную стену вокруг города в обмен на Фрейю. Ещё он, правда, попросил солнце и луну, но всем же понятно, Фрейя ему ценнее всего.

– Вот уж действительно... – пробормотала колдунья. – Но, конечно же, асы не согласились на это.

– И правда, вот только они согласились, – ответил Локи, неловко ёрзая. – С некоторыми условиями. Стараниями вашего покорного слуги.

– И что же это были за условия?

– Ну, великану было предложено выполнить всю работу за меньшее время, и он согласился, при условии, что сможет использовать при строительстве своего коня. Асы обдумали это и спросили моего мнения, а я сказал им, чтобы соглашались. Мне-то что? Нам нужна была стена, и этот незнакомец был готов её построить. Проблемы я тогда не видел.

– Тогда в чём проблема сейчас?

– А в том, что жеребец строителя оказался невероятно силён, и стена уже почти завершена. Асам вот-вот придётся расстаться с тем, что они поставили на кон, и они считают, что это моя вина, а значит, мне всё и исправлять. По крайней мере, так заявил Один, когда наступил мне на горло и грозился оторвать голову. Так что теперь я должен что-то сделать, и я даже знаю, что именно, но... Я просто чувствую, что всё это добром не кончится. Хотя, конечно, любой исход лучше, чем расстаться с головой.

– Возможно, единственный выход – впредь держать свой рот на замке, пока кто-нибудь другой этот замок на него не навесил, – шутливо посоветовала Ангербода. – В очередной раз.

Локи улыбнулся, в его глазах плясали отблески огня.

– С удовольствием бы посмотрел на это.

Через некоторое время после его ухода, пока ведьма собирала хворост, перед ней вдруг возникла лошадь. Ангербода так испугалась неожиданного прикосновения к руке, что чуть не выронила растопку, которую удерживала на согнутом локте, как младенца.

– О, привет, – пробормотала она рассеянно, но затем задумалась, что это за лошадь может бродить в этом лесу, да ещё и так бесшумно подкравшись к ней. Так что она остановилась и уставилась на животное, а оно в ответ воззрилось на женщину с ужасно грустным выражением на морде.

– Вот это да! – удивилась Ангербода. – Что привело тебя сюда в таком виде, Локи?

– Я попал в неприятности, – сообщила кобыла голосом Локи в её голове.

– Что за неприятности?

– Увидишь через несколько месяцев.

Ведьма поразмыслила немного и произнесла:

– Локи, пожалуйста, не говори мне, что ты превратился в кобылу и соблазнил невероятно могучего жеребца великана-строителя, чтобы тот не смог закончить стену Асгарда вовремя и получить свою награду.

На мгновение воцарилась тишина. Кобыла раздражённо дернула хвостом.

– А я-то думал, ты больше не занимаешься прорицанием.

– Я и без прорицания догадалась, что к чему. Ладно уж, пойдём, – вздохнула женщина и потрепала его по морде, как она надеялась, успокаивающе, а затем повела к пещере.

Эту зиму Ангербода провела не одна. Она коротала её ухаживая за лошадьё и просила Скади обменивать большинство её снадобий на сено. Выпал снег, и Охотница стала быстрее добираться до Железного Леса из Ётунхейма – на лыжах она передвигалась с непревзойдённой скоростью, даже учитывая гружёные сани, запряжённые оленем.

Однажды Ангербода пригласила её отужинать перед возвращением обратно в горы, и Скади удивилась, увидев в углу беременную кобылу, жующую сено с таким видом, будто это было последнее, чем она хотела бы заниматься.

– Так вот почему тебе в последнее время так не хватает сена, – сказала Скади. – Где ты взяла лошадь?

Ангербода пожала плечами и потрепала кобылу по гриве.

– Однажды она подошла ко мне в лесу и попросила о помощи. Разве я могла отказать?

– То есть ты собираешься всю зиму просидеть в четырёх стенах вместе с этой кобылой, кормить её и убирать за ней?

Кобыла заржала, и прозвучало это чрезвычайно похоже на хихиканье Локи.

– Именно, – невозмутимо ответила Ангербода.

Скади вздохнула.

– Ты странная, Ангербода, даже для ведьмы. Ты приготовила зелья для меня?

– Вот они, держи. – Колдунья вручила ей большую коробку с глиняными горшочками, выстроенными в ряд и аккуратно укрытыми шерстью со всех сторон.

– Как только перевалы занесёт снегом, я не смогу тебя навестить, – предупредила Охотница. Она посмотрела на кобылу, а потом снова на подругу. – У тебя точно хватит еды на всю зиму?

– Точно. Ты превзошла саму себя, Скади, уверяю тебя. Мы будем в порядке.

Ётунша внезапно обняла её, затем отстранилась и, не убирая рук с её плеч, проговорила:

– Береги себя.

– Ты тоже, – ответила Ангербода, а затем проводила её и заперла дверь.

– Итак, это была Скади, – произнёс Локи.

– Да, это была она. – Ведьма погладила его по лбу. – А теперь остались только ты, я и козы.

У коз снаружи имелся загон, который великанша соорудила одновременно с отхожим местом, но женщина решила, что, когда станет слишком холодно, нужно будет перевести их в пещеру.

– Это будет долгая зима.

– Я в этом обличье куда дольше, – угрюмо проворчал Локи. – Ты не могла бы просто... состряпать какое-нибудь зелье и заклинание, чтобы поскорее вытащить меня из этого животного?

Ангербода улыбнулась:

– Я что-нибудь придумаю.

Зиму Локи и Ангербода провели в пещере, и зелья колдуньи снова отлично себя показали: уже весной (а не через год, как положено) кобыла разродилась серым жеребёнком. Чуть с горных перевалов сошёл снег, их навестила Скади, привезя новые меха, большое количество свежей дичи и ранние весенние растения для снадобий Ангербоды, чтобы они могли снова приступить к совместной торговле.

Увидев жеребёнка, Охотница удивилась – он был восьминогим, и она никогда раньше не видела ничего подобного. Это позабавило Локи и Ангербоду, так как они-то уже привыкли к его необычному виду и не придавали этому значения.

Приятным сюрпризом для хозяйки пещеры стало то, что весной на многих деревьях Железного Леса, прежде безжизненных, появились молодые листочки, а на поляне перед входом в пещеру выросла трава – достаточно, чтобы кобыла могла пощипывать её, пока жеребёнок игриво скакал вокруг. Теперь Ангербода часто перетирала растения и составляла зелья на улице, наблюдая за ними.

Ранней осенью Локи объявил, что собирается забрать жеребёнка в Асгард, в качестве подарка Одину. Малыша звали Слейпнир, и в будущем его будут звать среди богов и людей как быстрейшего из скакунов. Ангербода воспротивилась – ей хотелось оставить жеребёнка себе, так как, несмотря на его причудливый вид, она прикипела к нему душой, но Локи не согласился. Он не назвал ей причин, кроме самого очевидного: Один был Всеотцом, и такой скакун мог принадлежать лишь ему, и женщина никакими аргументами не смогла переубедить его.

В то утро, когда Локи собирался уходить, Ангербода шила в своём кресле, когда внезапный свистящий звук заставил её поднять глаза и увидеть, как воздух вихрем закружился вокруг кобылы. Когда вихрь рассеялся, на месте лошади стоял Локи – сгорбленный, измождённый и совершенно голый.

– Мог бы и предупредить, – произнесла ведьма, демонстративно отворачиваясь в другую сторону.

– Да, наверное, мог бы. – Его голос был хриплым из-за долгого молчания, но в нём звучало облегчение. – У тебя, случайно, нет запасной одежды?

Позже, в середине дня, они стояли на поляне, и Ангербода снова попыталась переубедить его и не отдавать Слейпнира.

– Ты всё равно никуда не выбираешься. Зачем тебе конь? – спросил мужчина, к тому времени уже полностью одетый, но босиком. В пещере отыскалась пара брюк, которые она штопала для него, и ведьма поспешно укоротила одно из своих платьев, превратив его в тунику. Обуви же никакой не нашлось.

– Я не прошу отдать его мне, – ответила она. – Я предлагаю оставить его у нас – он такой славный.

Словно услышав это, Слейпнир подбежал к Ангербоде и ткнулся носом в руку, а она улыбнулась и погладила его по гриве. Локи молча взглянул на неё, но затем покачал головой и повёл жеребёнка прочь, высоко задрав подбородок. Ведьма смотрела им вслед, пока они не пропали из вида. Пустота в её сердце, казалось, теперь никогда не исчезнет – после стольких месяцев, проведённых с Локи, да ещё и после появления стригунка, пещера в их отсутствие казалась холоднее и темнее.

Но Локи, очевидно, решил не задерживаться в Асгарде надолго; к её удивлению, он вернулся ещё до наступления ночи.

Когда он вошёл, Ангербода убирала посуду после ужина. Снова став самим собой, он выглядел уставшим и измученным всеми теми долгими месяцами, которые провёл в обличье лошади. Ещё более уставшим, чем утром, когда

уезжал, – тогда он хотя бы пытался сделать вид, что хорошо себя чувствует. Колдунья надеялась, что, ради его же блага, его хватило на всю дорогу до Асгарда.

– Одину понравился подарок? – поинтересовалась она, поворачиваясь к нему.

– Да, – кратко ответил гость. Он сменил одежду, в которой ушёл, на привычное асгардское одеяние. Стараясь не обижаться на это, ведьма присела на кровать, наблюдая, как Локи прислонился к столу и скрестил руки на груди, не отвечая на её взгляд. В отблесках огня мешки у него под глазами стали ещё заметнее.

– Иди сюда, – позвала она, приподнимая угол большого шерстяного одеяла, которое накинула на плечи, и жестом приглашая его сесть рядом. Мужчина нехотя подошёл к ней и сел. Она накинула на него одеяло так, чтобы укрыть их обоих, и он, вздрогнув, плотнее закутался в него, по-прежнему не отводя взгляда от огня.

Казалось, повисшее молчание растянется на тысячелетие.

– Они думают, я не знаю, что они говорят обо мне, – наконец произнёс Локи. – Я преподнёс им великий дар, а взамен...

Он махнул рукой, не желая заканчивать фразу.

– Тебе не всё равно, что они скажут? – спросила Ангербода. – Почему?

Локи покачал головой.

– Ты обитаешь в пещере и знать не знаешь, каково это – жить с шайкой...

– Я-то знаю, каково это. – Она протянула руку и накрыла его ладонь своей. – Чувствовать себя чужаком.

– И чем же всё это кончилось? – с горечью сказал Локи, отдёргивая руку. – Ах да, тебя ведь пронзили копьями и сожгли. И не единожды. А теперь ты прячешься здесь, на краю света, в полном одиночестве. Знаешь, пусть лучше меня считают отвратительным, а мои поступки постыдными, чем быть таким, как ты: всеми

покинутым и одиноким.

– Так вот как они тебя называли? Отвратительным и постыдным? – спросила Ангербода, игнорируя его колкость. Хотя её воспоминания о жизни Гулльвейг успели потускнеть, она помнила, как постоянно чувствовала себя посторонней. И, конечно, она испытала бурю чувств, когда бывшие друзья в одночасье обратились против, бросив её в костёр. Но отчётливее всего ей вспоминались не страх и не гнев, а ощущение, что её использовали.

Колдунья подумала, что Локи, должно быть, испытывает то же самое, а подобного она не пожелала бы и злейшему врагу – и тем более мужчине, что заставлял её трижды сожжённое сердце назойливо трепетать. В её груди klokотала ярость от одной мысли о том, как он страдает.

– Вроде того, – ответил Локи и пожал плечами. – Но я решил, что мне и правда всё равно.

– Так ты не вернёшься туда?

– Вернусь, конечно. Но отточу получше своё безразличие.

– Глупец, – выпалила Ангербода, сжав руки в кулаки на коленях. – Вернёшься ты туда, и продолжится всё то же. Не представляю, чем я смогу ещё помочь, если ты вознамерился остаться в Асгарде. Всё в итоге закончится плохо. – Она умоляюще посмотрела на него. – Подобное будет повторяться снова и снова, Локи. Я говорю это лишь потому, что ты... ты мне небезразличен.

Она хотела бы взять свои слова обратно – Локи всегда казался тем, кто замыкается в себе при первом же упоминании о чувствах, да и ей самой тоже не особенно нравилось обсуждать такие вопросы... но сказанное было правдой, поэтому женщина позволила словам повиснуть в воздухе между ними.

Мужчина вдруг посмотрел на неё с подозрением.

– Постой-ка. Так ты... ты не считаешь меня отвратительным? Не думаешь, что... то, что я сделал... то, что я вообще могу сделать, оно не?..

Ангербода закатила глаза.

– Если бы я так считала, неужели я бы всю зиму разгребала за тобой последствия, в прямом и переносном смысле?

– Я... ну я имею в виду...

– Похоже, ты потерял дар речи, о Хитроумный.

Он сердито посмотрел на неё.

– Но все остальные...

Она приложила палец к его губам.

– Отныне, как только ты переступаешь порог этой пещеры, тебе следует оставить все свои тревоги за дверью. Ну или можешь поискать себе другое место, куда будешь приходить в гости вместе со своими докучливыми переживаниями. Я ясно выражаюсь?

– Ты считаешь докучливым то, что у меня в принципе есть переживания? Или мне нужно определить, что конкретно является докучливыми переживаниями, и оставлять за порогом только их?

Ангербода на мгновение задумалась.

– Второе.

– И кому же решать, что докучливо, а что – нет?

– Полагаю, тебе.

Локи высунул язык и попытался лизнуть её палец. Она отдернула его и сердито посмотрела на мужчину, но тот только улыбнулся в ответ.

– Ты услышал хоть слово из того, что я только что сказала?

– Да.

– И что же я сказала?

– Оставлять переживания за порогом. Я согласен, но при одном условии: внутрь я могу проносить только докучливейшие из них.

– Никаких условий, – сердито произнесла Ангербода, не на шутку обидевшись. – Ты меня и правда не слушал, да?

– Разумеется, слушал, – легкомысленно ответил Локи, стряхивая невидимую пылинку с брюк. Он сделал паузу и обдумал свои следующие слова, чего она никогда не замечала за ним прежде. – Я просто подумал, что ты, возможно, захочешь сделать исключение для этих особых переживаний, какими бы докучливыми они ни были... потому что они о тебе.

Колдунья воззрилась на него, а он на неё, и на этот раз он, казалось, был абсолютно серьёзен.

– Чему ты удивляешься? Ты тоже мне небезразлична, – пояснил, наконец, Локи. – Как бы мне ни было неприятно это признавать. Забота усложняет жизнь, не находишь? На мой взгляд, было бы лучше вообще ни о чём не заботиться – но тут появляешься ты. Так что я нахожу все эти переживания довольно докучливыми.

Ангербоду поразил его ответ: она-то ожидала, что он попытается сменить тему. Внезапно оказалось, что это именно она была не готова к подобному разговору, но деваться было некуда – ведьма сама завела об этом речь.

– Небезразлична? – спросила колдунья, стараясь, чтобы её голос звучал ровно. – Ты думаешь, что это такая игра, Локи? Ты нашёл меня, являлся снова и снова, донимал меня и дерзил в ответ на моё гостеприимство, насмехался над тем, что я скучная...

Локи начал было что-то говорить, но она оборвала его.

– ...и всё же я тебе почему-то верю, – закончила она. – Может, колкостей и остроумия тебе и не занимать, Локи Лаувейярсон, но всё за ними не скроешь.

Например, то, как ты смотришь на меня.

– То есть все переживания, – вздохнул он. – Полагаю, мне нужно научиться поглубже их прятать. Но сейчас...

Ангербода осознала, что не может спокойно сидеть под его пристальным взглядом, и встала, чтобы подбросить в очаг ещё хвороста. Когда она забралась обратно под одеяло, мужчина придвинулся к ней ближе, а она развернулась и посмотрела на него.

– Если я такая скучная, почему ты всё ещё здесь? – медленно спросила она.

– Ты не скучная. Это всё мои колкости, помнишь?

– И всё же. Ты приходишь сюда снова и снова, а это что-то да значит.

Она подняла руку и положила ему на плечо, не глядя в глаза, так как боялась, что самообладание подведёт её.

– Что ещё тебе нужно от меня? – спросила она. Слишком поздно пытаться запереть все свои неуместные чувства в глубине этого несносного сердца.

– Мне нужна вся ты, – тихо произнес он, касаясь её носа своим. – Без остатка.

Упомянутое несносное сердце, казалось, подпрыгнуло и теперь билось где-то у горла, но Ангербода сердито посмотрела на мужчину и отвернулась.

– Продолжая свои дела с асами, ты разобьёшь мне сердце, – хрипло сказала она.

– Разобью тебе сердце? Ни за что на свете! – оскорблённо ответил ей Локи. – Это же я тебе его вернул, помнишь?

– Да, вернул, – начала Ангербода, – но...

Он прервал её поцелуем, на который она ответила даже не задумываясь – как будто она ждала этого миллионы лет. И колдунья знала, что он тоже это

почувствовал, потому что, как только их губы соприкоснулись, внутри неё словно рухнула какая-то плотина. Чувства волнами захлестнули её, и она не могла сдержать их, как ни старалась. Хотя, надо признать, не очень-то и старалась.

Она никак не могла разобрать, что это за чувства вырвались наружу, но, несмотря на затаённое страстное желание, которое росло в её груди, ей казалось, что радостное возбуждение было пронизано трепетом.

Что я делаю?

Отчего-то Ангербоду это ничуть не заботило – она вместо этого крепко зажмурилась и обвила его шею, чувствуя, как мужские руки притягивают её бедра всё ближе, а затем опрокидывают – мягко, но настойчиво – вниз на спину. Её пальцы как будто двигались сами по себе, стягивая с него зелёную тунику и отбрасывая её в сторону. Одна из его ладоней скользнула вверх по её бедру, собирая ткань платья, поднимая его к талии, пока он целовал её, сжимая в объятьях столь крепко, что она не могла даже шевельнуться.

И то, как всё происходило, каким-то образом неприятно задело её. Возможно, она боялась вновь быть использованной, но внезапно Ангербода почувствовала, как её кольнуло сожаление: о том, что она позволила всему этому случиться.

Ведьма отстранилась, и Локи в замешательстве отпрянул.

– Что не так?

Она приподнялась на локтях и, вместо того чтобы попытаться разобраться в своих сиюминутных тревогах, выпалила первое, что пришло ей в голову:

– Я говорила вполне серьёзно – ты разобьёшь мне сердце.

– Конечно же, нет, – недовольно отозвался мужчина, привставая на коленях – сейчас он был в одних только брюках. – Если это подсказывает тебе твоё провидение, то ты плохо разбираешься в людях.

Женщина пожала плечами, не глядя на него. Он снова потянулся и поцеловал её, в этот раз не так настойчиво, проведя длинным пальцем по линии подбородка. Затем, снова отстранившись, он бросил на неё взгляд из-под полуопущенных ресниц, от которого и прежде её сердце трепетало, и хрипло произнёс:

– Разве я мог бы так поступить с тобой после всего, что ты для меня сделала?

– Не знаю, – пробормотала она.

Но её ответ не имел значения. Уже нет.

Ведьма хотела этого так же сильно, как и он. И если существовала хоть малейшая вероятность того, что Локи говорит правду о своих чувствах к ней, то, образно выражаясь, пришло время пересечь этот мост, раз уж они до него добрались.

Ангербода села, подняла руку и потянула за шнурок на его брюках так же осторожно, как несколько месяцев назад вынимала обрывки бечёвки из его искалеченных губ. Только на этот раз она двигалась медленно не из страха причинить ему боль, а наоборот – чтобы помучить и заставить нервничать от предвкушения. Мужчина по-прежнему стоял на коленях, его дыхание участилось, и когда она подняла на него глаза, её губы неожиданно для неё изогнулись непривычным образом.

– Ты улыбаешься, – с удивлением отметил он.

На лицо Ангербоды снова вернулось бесстрастное выражение, и она невозмутимо переспросила:

– Уверен?

– Да.

– Странно...

– Хотел бы я вновь вызвать твою улыбку.

– Ну попробуй вызови.

Ангербода через голову стянула платье и отбросила его в сторону, представ перед ним обнажённой – и только длинные волосы завесой падали ей на грудь. Локи неотрывно смотрел на неё и лишь отвёл её локоны в сторону. Он не стал спрашивать о шраме у неё на груди – может, догадался, откуда он, а может, сейчас ему было не до вопросов. Да и вообще не до каких-либо реплик, если уж на то пошло.

– Похоже, ты опять утратил дар речи, о Хитроумный, – сказала ведьма во второй раз за эту ночь, но теперь слова словно застряли у неё в горле, и по её телу пробежала дрожь радостного предвкушения.

Только тогда он, казалось, стряхнул с себя оцепенение и, по-прежнему не отрывая от женщины глаз, стянул с себя брюки и отбросил их в сторону.

– Не думаю, что речь мне ещё потребуется. – Усмехнувшись, Локи посмотрел ей в глаза и снова поцеловал.

– Я дам тебе всё, что понадобится, – решила колдунья в то мгновение. – Ведь ты вернул мне моё сердце.

Никогда прежде Ангербода, на её памяти, не была такой измотанной, но сон так и не пришёл. Всякий раз, как она начинала дремать, её будило либо бешено колотящееся в груди сердце, либо поцелуи Локи где-то на её коже. С рассветом он уже растянулся на кровати, наполовину подмяв свою возлюбленную под себя и посапывая в её волосы.

Огонь почти угас, и сквозь дымоход струился солнечный свет. Колдунья уже готова была вновь задремать, когда раздался громкий стук в дверь, а следом за ним голос Скади:

– Ангербода, ты не спишь? Солнце уже несколько часов как встало!

– Просыпайся, – прошептала ведьма, тормоша Локи.

Он поднял голову, сонно моргая, а затем сполз с кровати и поднялся на ноги, пошатываясь и бормоча что-то себе под нос. Женщина подтолкнула его в сторону кладовой в глубине пещеры и жестом велела скрыться в тени за сундуком и корзинами.

– Это только до тех пор, пока она не уедет. Пожалуйста, я знаю, что это будет для тебя непросто, но постарайся держать рот на замке.

Локи издал возмущённый звук, но послушался.

Скади снова постучала.

– Эй?

– Дай мне минутку! – крикнула Ангербода, подбрасывая хворост в догорающие угли в очаге, чтобы всё выглядело так, будто она спала не дольше, чем обычно.

– Мне надо в туалет, – пожаловался Локи тихим шёпотом из-за сундука.

– Тебе придется потерпеть, пока она не уйдёт, – прошипела в ответ ведьма, закутываясь в одно из одеял и заталкивая их сброшенную одежду под кровать.

Когда она открыла дверь, её встретила не только Скади, но и другая ётунша, державшая корзину с растениями. Ангербода плотнее закуталась в одеяло и невозмутимо подняла подбородок. Она могла лишь догадываться, как выглядит со стороны, – но одно дело, когда лишь подруга лицезреет её в таком виде, и совсем другое – когда кто-то незнакомый.

Охотница, как и всегда, была одета в мужскую тунику и брюки. Поскольку осенняя погода была не по сезону тёплой, она сменила свой обычный меховой кафтан на менее плотную шерстяную одежду, хотя шапка по-прежнему красовалась на ней, как и кожаные охотничьи сапоги с острыми мысками.

– Доброе утро, – произнесла Ангербода.

Скади оглядела её с ног до головы и приподняла бровь.

– Тяжёлая ночка?

– Можно и так сказать, – ответила колдунья и, как ей казалось, небрежно убрала за ухо взъерошенные волосы. – Что вас сюда привело?

– Мы принесли кое-какие ингредиенты для твоих снадобий, – сообщила другая великанша, глядя на хозяйку пещеры с чем-то вроде неодобрения. Она была молода и очень хороша собой, но, судя по всему, не лёгкого нрава.

– Ангербода, познакомься – это моя кузина Гёрд, – представила её Скади. – Она живёт недалеко от гор, их семье принадлежит большой сад, где она выращивает множество различных растений. Её мать – прекрасная ткачиха, а у отца сотни овец. Большинство трав и тканей для тебя я выменяла у её семьи. Так что Гёрд очень хотелось наконец лично познакомиться с тобой.

– Хотя я и перепутала долгий поход с короткой прогулкой, – проворчала ётунша, вытирая пот со лба и приглаживая свои тусклые распущенные волосы. Она была немного ниже Скади и не такая смуглая, но формы её были округлее и мягче, да и одета куда изящнее. Если бы не небольшие следы грязи под ногтями, Ангербода предположила бы, что девушка и дня в своей жизни не работала.

Скади только ухмыльнулась.

– Кузина, это Ангербода, та самая ведьма, о которой я рассказывала.

– Очень приятно, – сказала колдунья.

– Взаимно, – ответила Гёрд, но, казалось, её больше интересует возможность заглянуть через плечо хозяйки пещеры. – Там что, мужчина?

– Не исключено. А может, и женщина, – ответила Ангербода, не сводя взгляда с гостыи. – А в чём, собственно, дело?

– Он муж тебе? – спросила гостыя, уставившись на неё в ответ.

– С чего ты взяла, что это «он»? – спокойно поинтересовалась ведьма.

Лицо Скади слегка дёрнулось, но она ничего не произнесла. Гёрд же смущенно продолжила:

– Если ты собираешься возлечь с мужчиной, то должна прежде выйти за него замуж. Но я так поняла, колдунья, что ты не замужем, иначе не жила бы в пещере.

Ангербода посмотрела на Скади.

– А у тебя прелестная компания.

– Она член семьи, – пожала плечами Охотница. – Но ты же знаешь, я готова вести дела с кем угодно.

– По-видимому, даже с ведьмами вольных нравов, – добавила Гёрд.

– Ох, просто отдай ей уже растения, Гёрд. – Скади, вздохнув, потёрла виски, и её кузина с раздражением подчинилась.

Ангербода чинно и неторопливо приняла корзину и прижала её к груди, чтобы одеяло не упало и не обнаружило её наготу.

– Благодарю.

Затем Скади нахмурилась, уставившись на что-то прямо над корзиной, и колдунья неожиданно поняла, что это шрам на её груди привлёк внимание подруги. Она подтянула корзину повыше, чтобы прикрыть его. К счастью, Гёрд ничего не заметила: она была занята тем, что неприязненно оглядывала поляну. В ответ на вопрос в глазах Охотницы Ангербода так же глазами ответила: расскажу позже. Затем хозяйка пригласила женщин в дом перекусить, но обе ётунши отказались и ушли.

Как только она закрыла дверь за визитёрами, то услышала громкий вздох облегчения, сопровождаемый звуком струи, бьющейся о пустой керамический кувшин.

– Дотерпел? – поинтересовалась она в направлении дальнего конца пещеры, поставила корзину с травами на стол и сняла одеяло, бросив его обратно на кровать.

– На твоё счастье, – сказал Локи, когда закончил, и подошёл к ней. – Смею тебя заверить, что всё то время, пока эти двое стояли у двери, я проклинал твоё имя.

Ангербода фыркнула и принялась раскладывать растения.

– Возможно, тебе не следовало пить так много эля прошлым вечером.

– Я впервые был человеком после стольких месяцев в обличье лошади, – сказал Локи. Всё ещё обнажённый, он потянулся лениво и самоуверенно, по-кошачьи, и обнял её сзади за талию. – Ты всегда ходишь дома нагишом? Надо бы почаще навещать тебя.

– Напротив, обычно я полностью одета, пусть и живу одна.

– Вот досада.

– Возможно, я была бы более заинтересована ходить нагишом, если бы ты и правда навещал меня почаще.

– Тогда, возможно, мне стоит поймать тебя на слове, – выдохнул он ей в висок. – Ночь была хорошей.

– Да, – подтвердила она и повернулась, потянувшись к его губам.

Через миг-другой Локи отстранился и произнёс:

– Возможно, кузина Скади права, и мне следует жениться на тебе.

– А почему ты так уверен, что я приму тебя? – Ведьма фыркнула, но её сердце при этом совершило кульбит.

– Ну, ты уже приняла меня. И, прошу заметить, неоднократно и весьма тщательно. Хотя, я уверен, ещё есть простор для воображения.

Обнимая его за плечи, Ангербода поразмыслила над этим и поняла, что её прежние опасения быть использованной рассеялись в достаточной мере, чтобы она могла с напускной серьёзностью пошутить:

– Но ты мной уже воспользовался вполне добровольно. А вот если станешь мне мужем – это превратится в твою непосредственную обязанность.

– Да, обычно обязательства – это не мой конёк, но думаю, что в данном конкретном случае я смогу это пережить, – ответил он так же серьёзно.

– Разве у асов нет ни перед кем обязательств? Например, перед людьми и другими созданиями?

– Да как сказать... – протянул Локи. – Мне всегда казалось, что боги занимаются чем-то интересным. Я и кровным братом Одина-то стал от нечего делать: подумал, что с богами точно повеселее будет. Можно сказать, стал богом от скуки.

Ведьма подняла руки, чтобы заправить его растрёпанные волосы за уши.

– Или от одиночества?

– Быть может... – ответил он уклончиво. – Они часто идут рука об руку.

– Мне это знакомо.

Мужчина поджал губы и провёл пальцем по шраму на её груди, и она приятно напряглась, вспомнив его горячие поцелуи прошлой ночью.

– Но это небольшая цена за свободу, – продолжил он, задумавшись, – которой у меня больше нет. Во всяком случае, в последнее время я не чувствую себя свободным среди асов.

Ангербода кивнула.

– Я устал от контроля. – Он положил другую руку ей на талию и притянул к себе, пока она продолжала обнимать его за плечи. – Но и одному мне быть не хочется.

– Понимаю.

– И ты никогда не пыталась меня контролировать.

– Не пыталась.

– И ты заботишься обо мне.

– Да, хоть это и противоречит здравому смыслу.

– И тебе всё равно, чем я занимаюсь, лишь бы в конце концов возвращался...

– Я бы так не сказала...

Локи прижался лбом к её лбу.

– Так ты станешь моей женой?

Ангербода обняла его крепче. Так много всего произошло, и так быстро – конечно, она не могла отрицать, что и раньше испытывала к нему чувства, пусть до сих пор отчасти и ждала, что вот-вот он внезапно передумает и скажет, что это была шутка. Но Локи лишь продолжал смотреть на неё, и она осознала, что к этому непривычному выражению полной искренности на его лице легко привыкнуть. И что она уже знает ответ на его вопрос:

– Сочту за честь, – наконец произнесла колдунья.

Проведя с ней несколько долгих дней и коротких ночей, Локи вновь ушел. Ангербода давно привыкла к этому; в конце концов, он годами приходил и уходил, когда хотел. Но часть её души всё же надеялась, что теперь всё будет по-другому, хотя и эта часть вскоре примирилась с тем, что Локи – это по-прежнему Локи, и делает он то, чего сам пожелает. Так что она перестала

тратить все свои силы на ожидание его возвращения и вместо этого сосредоточилась на подготовке запасов к зиме. Было ещё кое-что, о чём ей хотелось ему сообщить, и от этого ожидание было только томительнее.

Его не было всю осень, и Ангербода с каждым днём всё больше не находила себе места. К тому времени, когда Скади в последний раз заглянула в Железный Лес перед тем, как горные перевалы завалит снегом, зима была уже совсем близко.

– Значит, ты проведёшь зиму в одиночестве? – спросила она, опустив на пол у стола большой мешок с сушёным мясом.

«Надеюсь, что нет», – подумала Ангербода, протягивая ей кружку эля, а вслух произнесла:

– Похоже на то. Я да козы.

– И ещё ребёнок, – сказала Скади. – Или я ошибаюсь?

Ведьма инстинктивно приложила руку к едва наметившемуся животу.

– Откуда ты знаешь?

Охотница сделала глоток из своей чашки.

– Я наблюдательна. Хотя я никогда и не наблюдала здесь мужчин. Кто отец ребёнка? – И она едва заметно улыбнулась: – Надеюсь, не волк.

В некотором смысле так и есть.

– Нет. Это мой муж.

Скади долго смотрела на неё с непонятым выражением на лице.

– У тебя есть муж?

– Есть.

– И где же он?

– Не здесь.

– Понятно, – с сомнением протянула подруга, но вид у неё был немного обиженный. – Но он вернётся до зимы?

Ангербода пожала плечами.

Скади вздохнула.

– Ты не можешь здесь оставаться.

– Со мной всё будет в порядке, уверяю тебя. Кроме того, на меня здесь припасов хватит.

– В самом деле? – уточнила Охотница, снова глядя на её живот. – А на двоих, если вернётся твой муж?

Ведьме нечего было на это возразить, потому что она боялась того же. Аппетит у неё несколько повысился, и если Локи вернётся и проведёт с ней зиму, то, скорее всего, подготовленных запасов не хватит, чтобы прокормить их обоих.

Скади выглядела удовлетворённой.

– Значит, вопрос решён – ты поедешь со мной в горы. Мой отец будет рад тебе. У него особый интерес к магии. Тебе лишь нужно будет не обращать внимания на его несуразность время от времени, и вскоре он тебе понравится, обещаю. В последнее время у него вечно одна глупая затея за другой, так что дома ты его, возможно, по приезде не застанешь.

Ангербода спокойно смотрела на подругу, подавляя зарождающуюся тревогу. Что, если её не будет здесь, когда Локи соизволит явиться? Неужели она не увидит его, пока по весне не оттают перевалы?

– Как мы доберёмся до твоего жилища? – спросила она. – У меня нет ни лыж, ни снегоступов, и двигаться я буду медленно.

– Ты можешь поехать на моих санях.

– Мне не хватит места на санях, если мы заберём все припасы с собой.

– Мы возьмём с собой столько, сколько поместится в санях, помимо тебя. Здесь в пещере достаточно холодно и сухо, так что до твоего возвращения продукты протянут.

– А как же козы?

– До весны с ними всё будет в порядке. Они ведь животные. Подумай об этом, – ответила Скади. – Неужели ты и правда хочешь провести всю зиму здесь, в ожидании, невзирая на то, какому риску подвергается твоё дитя?

Ангербода тяжело опустилась на скамью.

– Ты права. Конечно, права. А я веду себя глупо. Просто я... – она побарабанила пальцами по бедрам, затем указала на живот, – ...ещё не привыкла к мысли об этом. Хотелось бы с кем-то разделить эту ношу.

– Разве не в этом смысл женитьбы? – Скади усмехнулась. – Ну и муженёк у тебя!

Колдунья поёрзала, не поднимая взгляда от рук, потому что не могла отрицать, что и сама думала о том же.

– Ну, у тебя есть я, – произнесла Охотница.

– Это не то же самое. Ты же не он.

Скади бросила на неё испепеляющий взгляд.

– Конечно. Я всего лишь твой друг. Разве я что-нибудь значу?

– Я не это имела в виду...

– Конечно. – Глаз Скади дернулся. – Подожди-ка. Он что, не в курсе, да?

Ангербода покачала головой.

– Я ещё не видела его с тех пор.

Ётунша со стуком поставила чашку на стол и встала.

– Молись, чтобы я никогда с ним не повстречалась, а то ему придётся несладко. Давай бери, сколько сможешь унести, и уходим. – Она помолчала. – Но не поднимай слишком много, не забывай про ребёнка. Выбирай что полегче. Я захвачу мешок, который только что принесла, и отнесу его обратно в сани – он самый тяжёлый.

– Скоро тебе придётся помогать мне обуваться, – задумчиво произнесла Ангербода.

– Ещё немного, друг мой, – ответила Скади, – и кому-нибудь уж точно бы пришлось.

Ведьма сложила самые тёплые шерстяные платья в дорожную корзину, надела плащ и капюшон, затем вышла вслед за подругой наружу и закрыла дверь в пещеру, вдобавок нагромоздив перед ней камни, ветки и сухую траву, чтобы, когда выпадет снег, вход был скрыт от посторонних глаз.

Когда приготовления подходили к концу, на ветку дерева рядом с головой Ангербоды уселся сокол и уставился прямо на неё. Она взглянула на Охотницу, которая перекладывала груз на санях, бормоча что-то себе под нос, а затем снова на птицу и прошептала:

– Ты вовремя.

– Из-ви-ни, – произнёс голос Локи у неё в голове. – Произошла одна история с великаном и золотыми яблоками. Дело, в котором я мог быть замешан, а мог и не быть...

– Я уезжаю на зиму, – сообщила Ангербода.

Она была не в настроении выслушивать рассказы о его проделках, хотя и знала, что ему не терпится поведать о том, что случилось. Если бы он появился хотя бы на полчаса раньше, она провела бы всю зиму устроившись в его объятиях. Но теперь было уже слишком поздно, и, если бы он раскрыл себя, Скади, вероятно, проткнула бы его одной из своих лыж.

Локи, казалось, почувствовал волны мрачной решимости, исходящие от Охотницы, потому и сохранил свой соколиный облик.

– Это я вижу. А куда ты собралась?

– В горы.

– Бр-р-р, зачем тебе туда ехать?

– Меня пригласили. И, кстати, Скади поклялась расправиться с моим отсутствующим мужем за то, что он оставил меня зимовать в одиночестве. Так что на твоём месте я бы осталась птицей.

– Мне очень жаль, – сказал он, слетая вниз и усаживаясь ей на плечо. – Тогда я навещу тебя в горах.

Ангербода покачала головой.

– Будет сильная непогода. Сделай себе одолжение и проведи зиму в Асгарде.

Новость о ребёнке готова была сорваться с её языка, но она сдержалась; не так ей представлялся миг, когда она ему об этом сообщит. Выразительности даже в животном обличье Локи было не занимать, но ей хотелось посмотреть на его лицо, когда он узнает, – так точнее и проще можно понять, как он ко всему этому относится.

После разговора со Скади Ангербоде отчаянно хотелось узнать, не совершила ли она ошибку, согласившись стать его женой. Его реакция на беременность

сказала бы о многом.

– Я вернусь, как только сойдёт снег, – добавила она.

Сокол качнул головой, ласково клюнул её в щёку и улетел.

К этому времени Скади уже была готова отправляться; она жестом позвала Ангербоду садиться в сани и затем убедилась, что та хорошо укутана в меха. Переход должен был занять два дня, и каждая пройденная миля удаляла бы её от родного дома. И Ангербода вдруг осознала, что прошлая зима, проведённая с Локи, – пусть он и находился в облике кобылы, – пролетела совсем быстро, а все зимы до неё и вовсе не запомнились.

Грядущая же зима протянется так долго, как никогда ещё за всю её долгую жизнь.

Они остановились на ночь в огромном доме Гимира, и Ангербода снова имела удовольствие общаться с Гёрд, которая приходилась дочерью Гимиру и его жене Аурбоде; и хотя Скади называла её своей кузиной, на самом деле их отцы были в дальнем родстве.

Дочь хозяина, казалось, не замечала, что колдунья в тягости, и Скади не стала упоминать об этом, так что на следующее утро они снова отправились в путь, оставив часть припасов в качестве благодарности за гостеприимство. Что ж, теперь сани стали легче.

На следующий день они добрались в Тримхейм, дом Тьяцци, отца Скади, и никого там не застали, за исключением нескольких оленей, пасущихся возле складов, достаточно ручных, чтобы свободно бродить вокруг. В отличие от жилища родителей Гёрд, здесь не было ни слуг, ни даже лая сторожевых собак у ворот.

– Нам с отцом много не нужно, – сказала Охотница, когда Ангербода обратила на это внимание. – Об этом все знают, и те, кто живёт недалеко, нас не беспокоят.

Скади, казалось, не особенно удивилась отсутствию отца. Выгружая содержимое саней в один из амбаров, она угрюмо бормотала себе под нос что-то о погонях за дикими гусями, золотых яблоках и поисках бессмертия. Услышав про золотые яблоки, Ангербода вспомнила слова Локи, но решила оставить эту информацию при себе. Увы, ей не пришлось долго ждать, чтобы выяснить, какое отношение эти фрукты имеют к отцу Скади: через две недели после их прибытия в дверь Тримхейма постучалась кузина Гёрд, замёрзшая и раздражённая.

Как только они пригласили её внутрь и налили ей кружку эля, чтобы согреться, она поведала им о том, что ей сказали родители, которые, в свою очередь, тоже узнали от кого-то ещё: отец Скади, Тьяцци, погиб от рук асов во время похищения богини Идунн и её золотых яблок, дарующих вечную молодость.

– Что же произошло? – спросила Ангербода, потому что сама Охотница была слишком ошеломлена этой новостью, чтобы говорить.

– Тьяцци захватил в плен одного человека по имени Локи и угрожал ему, пока тот не согласился придумать способ похитить для него Идунн, что он и сделал, – начала рассказывать Гёрд.

Ведьма была почти рада, что её муж намекнул на свою причастность к этому случаю; иначе она могла бы заметно вздрогнуть и выдать себя при упоминании его имени.

– А потом, говорят, чтобы вернуть её обратно асам, – продолжала Гёрд, – Локи влетел в эту самую комнату, превратил Идунн в орех и улетел обратно в Асгард.

– Я и не знала, что других существ он тоже может перевоплощать, – подумала Ангербода, задаваясь вопросом, была ли эта часть истории правдой.

– Но Тьяцци последовал за ними в облике орла, и асы наслали на него огонь, когда он прибыл в Асгард, тем самым убив. – Гёрд уставилась в свою чашку. – Мне очень жаль, кузина.

Скади не проронила ни слезинки. Она просто сжала кулаки на коленях и уставилась на них. Ангербода положила руку ей на плечо, и некоторое время все молчали.

– Кто этот Локи? – затем тихо спросила Охотница.

– Кровный брат Одина, примкнувший к асам, – сказала Гёрд. – Он такой же ётун, как и мы трое, и говорят, что он постоянно доставляет богам всякие неприятности, но потом сам же всё и исправляет, как и в этот раз.

– Выходит, он предатель, – выплюнула Скади. – Асы ненавидят нас. Они смотрят на нас свысока. Зачем кому-то может понадобиться присоединиться к ним?

– Полагаю, выгоды ради, – заявила Гёрд. – Должна же быть какая-то польза от того, чтобы жениться на одной из них или породниться с ними, как это сделал он.

– Отныне этот Локи в списке тех, кому я непременно перережу глотку, если когда-нибудь встречу, – произнесла великанша. Она повернулась к ведьме и добавила: – Вместе с твоим никчёмным мужем.

Ангербода решила не упоминать, что это один и тот же человек.

– О, так ты теперь замужем? – поинтересовалась Гёрд. – Почему же ты не прикрываешь волосы, как принято у замужних женщин?

– Это совсем недавно произошло, – призналась колдунья, хотя, по правде говоря, она совсем забыла об этом обычае. – У меня не было возможности приготовить себе головной убор.

Гёрд, казалось, это оскорбило.

– У моей матери их много про запас имеется. Я принесу один для тебя на следующую нашу встречу.

Уже почти стемнело, так что Скади пригласила Гёрд остаться на ночь, и та согласилась. Вскоре после этого гостя уснула на груди мехов, постеленной в углу, и подруги получили возможность поговорить наедине, расположившись у очага в центре залы. Помолчав некоторое время, Ангербода спросила:

– Как ты?

Ётунша лишь молча покачала головой. Тогда колдунья подошла, села рядом с ней на скамью и взяла её за руку.

– Я очень, очень сожалею о твоей утрате, друг мой.

И как бы я хотела сказать, что мне жаль, что именно мой муж приложил руку к смерти твоего отца.

– Я отомщу за него, – сказала Скади, дрожа, и на глазах великанши – к огромному облегчению Ангербоды – появились слезы; колдунью весьма тревожило, что та не оплакивала отца. – Когда оттают перевалы, я отправлюсь в Асгард, вооружённая своим мечом, щитом и одетая во все доспехи, что у меня есть, и отомщу за него.

– Возможно, они чем-нибудь возместят тебе своё злодеяние.

– Или, возможно, я проткну их всех насквозь, прежде чем они успеют произнести хоть слово. – Слёзы потекли по лицу Охотницы, она повернулась к Ангербоде и спросила: – Откуда у тебя тот шрам? Это были они, не так ли? Они тебе его оставили?

– Да, – тихо призналась ведьма. – Но это было очень давно. В другой жизни.

– Так не бывает. И давность не имеет значения, покуда ты не следишь за ходом времени, – вздохнула Скади. – Я направляюсь в Асгард в одиночку, как только отвезу тебя обратно в Железный Лес. И ты никак меня не остановишь. Я должна это сделать.

– Я понимаю, – ответила Ангербода, но это была лишь полуправда с её стороны: она считала, что асы должны предложить Скади возместить потерю отца, и была уверена, что боги так и поступят. Но понятие мести было ей чуждо. Во всяком случае, отчасти. Пока.

И ведьма провела зиму свернувшись калачиком у очага в Тримхейме и слушая рассказы Скади, потому что самой ей было особенно нечего поведать. Охотница много путешествовала на лыжах и была знакома почти со всеми, кто жил в пределах недели пути от её жилища, да и знала про них почти всё. И всё же

иногда ведьма слышала, как во сне подруга что-то бормочет или плачет о своём отце. А поскольку зимой по большей части нечем заниматься, кроме как спать, то за это время она увидела от Скади больше проявлений эмоций, чем за всё предыдущее знакомство.

К удивлению и облегчению Ангербоды, вопрос о шраме на её груди больше не поднимался – настолько дочь погибшего Тьяцци была поглощена своим горем. Ведьма бы ещё больше печалилась, видя подругу в глубокой скорби, но её самую поглотило радостное волнение о растущем в ней ребёнке, а Охотница редко разделяла с ней эту радость.

Когда пришла весна и перевалы очистились от снега, Скади сдержала обещание и проводила подругу обратно в Железный Лес. Они откопали вход в пещеру, проверили, в сохранности ли съестные припасы, и затем ётунша разгрузила сани. Ангербода была невероятно счастлива оказаться дома. Чувство было такое, будто её не было целую вечность. Она положила руку на живот, почувствовала, как малыш толкается, и редкая улыбка осветила её лицо.

– Как я могу отплатить тебе за всё? – спросила она Скади. Зима выдалась суровой, так что Ангербода действительно сомневалась, что провела бы её так же хорошо, если бы осталась в Железном Лесу. Но несмотря на сильные морозы, зима была благословенно короткой. Ведьма пребывала всего на шестом месяце беременности, когда вернулась в пещеру, и живот почти ещё не был заметен. Поздняя осень, короткая зима, ранняя весна. Лучшее, на что мы могли рассчитывать.

Скади только покачала головой в ответ на вопрос.

– Достаточно того, что ты была со мной. Я бы сошла с ума и позволила горю поглотить меня, не будь тебя рядом. Так что считай, что мы квиты.

Ангербода повела плечами.

– Значит, ты всё ещё собираешься мстить за отца?

Взгляд Охотницы стал жёстче:

– Да.

– Тогда желаю удачи. И если тебе понадобится целитель, ты знаешь, где меня найти.

Великанша кивнула и ушла, оставив её размышлять, не в последний ли раз она видит свою подругу.

Прошло совсем немного времени, прежде чем Локи объявился у неё на пороге. В тот момент она была занята уборкой и только чмокнула его в губы, когда он вошёл в пещеру, вместо страстных и продолжительных объятий, которые представляла себе всю зиму. Мужчина удивлённо моргнул, как будто ожидал более тёплого приёма, и остановился, глядя на неё от входной двери.

– Ты поправилась, – заметил он, наблюдая, как она суетится.

Она резко повернулась к нему, скривив губы.

– Не то чтобы я возражал, – поспешно добавил он, подняв ладони перед собой. – Тебе идёт.

– Хвала небесам! – огрызнулась Ангербода. – И, к твоему сведению, я не поправилась.

– Ну насколько я вижу...

– Подумай ещё раз, Локи. Хорошенько подумай..

Через несколько мгновений рот Локи приоткрылся в удивлении, а ведьма сложила руки на груди.

– Так и... кто же отец? – уточнил он полушутя, но она заметила испарину у него на лбу.

Ангербода смирила его холодным взглядом.

– Ох, даже и не знаю... Может быть, мой муж?

– Тогда, полагаю, сейчас не самое подходящее время упоминать, что асы заставили меня жениться на одной из своих. – Его взгляд был прикован к её животу. – Когда это произошло?

– Подозреваю, что в ту ночь, когда ты вернулся, подарив своего восьминогого ребёнка Всеотцу, – сказала колдунья. Затем она осознала, что он только что сказал, и взъярилась: – Жениться?

Локи подошёл и положил руки ей на бёдра, всматриваясь в выпуклый живот.

– Разве ты уже не должна быть крупнее?

– Зачем они заставили тебя жениться на асинье? – Ангербода почувствовала, что ей нужно сесть: она побоялась, что голова лопнет от злости – так яростно колотилось её сердце.

– Живот Сигюн намного больше, чем у тебя, а она понесла по меньшей мере луной позже. А может, и больше. – Потом он заметил, как она смотрит на него, и переспросил: – Извини, так о чём ты спросила?

– О твоей жене в Асгарде, – процедила Ангербода сквозь стиснутые зубы, тяжело опускаясь на скамью.

– А, – сказал Локи. Он плюхнулся рядом, прислонился спиной к краю стола и прижался к женщине бедром и плечом, скрестив ноги в лодыжках. Следующие слова он адресовал стене пещеры.

– Так вот. Асы заставили меня жениться – полагаю, это попытка держать меня в узде. Я, конечно же, сообщил им, что у меня уже есть жена в Ётунхейме, но они пропустили это мимо ушей. Так что, поскольку они не признают тебя моей женой, меня заставили жениться на другой.

– Тебя заставили жениться на другой, – повторила Ангербода, не веря своим ушам. – Мне всегда казалось, что тебя нельзя заставить делать то, чего ты не хочешь.

Он повернулся и окинул её пристальным внимательным взглядом – оценить её реакцию.

– Я не собираюсь ничего от тебя скрывать.

Ведьма сжала руки на коленях в кулаки:

– Ты любишь её?

А потом, после долгого и страшного молчания, задала неизбежный следующий вопрос:

– А меня ты любишь?

– Я... – он вздохнул, встал и, опустившись перед ней на колени, накрыл её руки своими. – Могу я тебе кое-что сказать?

Ангербода без выражения уставилась на их соединённые руки и ничего не ответила. Никогда прежде Локи не спрашивал разрешения говорить. Это прозвучало так же, как если бы проплывающая мимо рыба спросила, можно ли ей плавать.

Мужчина, казалось, собирался с мыслями, и Ангербода редко видела его таким – обычно слова лились из него непрерывным потоком. Это привело её в такое замешательство, что она наконец смогла встретиться с ним взглядом, сморгнув слёзы разочарования.

– Думаю, именно благодаря тебе я понял, что смогу кого-то полюбить, – произнёс он наконец. – Зачем мне было возвращать тебе твоё сердце только для того, чтобы разбить его? Я полагаю, это должно что-то значить, верно?

– Ты полагаешь? – пробормотала она, смахивая слёзы.

Он протянул руку и вытер слезу, которую она упустила, и его слова были тихими и хриплыми от тех чувств, что он так старался скрыть поначалу.

– Так ненавистно мне видеть, как ты плачешь, но ещё более ненавистно то, что я стал этому причиной.

– До того, как появился ты, я тоже не была уверена, что смогу кого-то полюбить, – сказала она, стараясь, чтобы в её голосе не прозвучало обиды. Затем она смягчила свои слова, добавив: – Мне всегда было хорошо одной. И до сих пор хорошо. Но когда ты рядом, мне ещё лучше.

– Что ж, мне приятно слышать, что ты не тоскуешь по мне целыми днями.

Что-то в его тоне подсказало ей, что он будет только рад завершить этот разговор про любовь и прочие чувства, так что она с облегчением сменила тему и шутливо закатила глаза:

– Кто станет скучать по такому, как ты?

– А кто бы не стал? – надменно спросил Локи.

– Я, как видишь, не стала.

– А вот Сигюн скучает. Вероятно, она занимается этим прямо сейчас, в этот самый момент.

– Я не Сигюн, – отрезала Ангербода, и ей показалось, как что-то тёмное и ужасное расцвело в глубине её души, когда имя другой женщины слетело с губ.

– Конечно, нет, – согласился Локи. – Ты же живёшь в пещере.

– Что? – Колдунья огляделась вокруг, изображая удивление.

Локи весьма снисходительно похлопал её по руке и произнёс сочувственным тоном:

– Я думал, ты в курсе.

Ангербода не могла не восхититься его способностью сохранять невозмутимое выражение лица, и в ответ она прижала руку к груди:

– Что бы я без тебя делала?

– Знаю-знаю, я всем необходим. Так вот, как я уже сказал, ты живёшь в пещере. Кроме того, она явно более высокого мнения обо мне, чем ты. – Он посмотрел на неё с притворным подозрением и постучал себя по виску. – Я помню все твои саркастические замечания.

– Она явно знает о тебе не всё. Хотя, полагаю, и в тебе есть некоторые качества, искупающие недостатки характера.

– Был бы не прочь услышать об этом поподробнее.

– Ну, во-первых, ты отдал мне моё сердце. – Она сжала его руки и переместила их себе на живот. – И ещё вот это.

– Он меня толкнул, – произнёс Локи, удивлённо моргая.

– Полагаю, это означает, что ты ей нравишься. Кроме того, она икнула.

– Откуда ты знаешь, что это она?

– Я и не знаю. Скорее выдаю желаемое за действительное.

– По большому счёту мне всё равно, кто там, лишь бы не убирать за ним.

– Серьёзно?

– Серьёзней некуда. Наверно, я мог бы... например, поддержать его или что-то в этом роде, или, может быть, даже попробовать рассмешить. Но как только он обделает пелёнки, я тут же верну его тебе.

– Ты совершенно бесполезен.

– Дети постоянно плачут и устраивают беспорядок, и их нельзя нигде оставить, потому что они просто укатятся с этого места.

Ангербода фыркнула.

– Может быть, я вообще не позволю тебе держать малышку, если ты собираешь беспорядочно класть её на столы и скамейки, откуда она может укатиться.

– И головы у них большие. Просто огромные. – Локи поднял руки вверх, на расстоянии полуметра друг от друга. – Вот такие. Такую голову даже тебе, с твоими-то широченными бёдрами, будет довольно непросто вытолкнуть наружу.

– С моими, прости, чем?

Локи моргнул, открыл рот и тут же снова его закрыл. Ангербода уставилась на него, приподняв брови и ожидая, что он повторит своё последнее высказывание.

– А попробуешь их усадить, – продолжил он после паузы, – и их головы попросту запрокидываются – настолько они большие. Одним словом, от младенцев одни неудобства.

– Это от тебя одни неудобства.

– Знаю, и мне даже иногда приходится эти неудобства исправлять. Младенцев же абсолютно не волнуют последствия.

Ангербода покачала головой. Локи усмехнулся, наклонился и поцеловал её – и этот поцелуй был лучше того, которым она наградила его, когда он вошел. Это был настоящий поцелуй.

– Теперь мы можем перейти к следующему пункту? Всё же я не видел тебя целую зиму.

– Я уже начала думать, что ты никогда не спросишь, – ответила она.

В конце концов они расположились на поляне у входа в пещеру, свернувшись поверх одеяла. Весенняя ночь была по сезону тёплой, но Ангербода не помнила,

когда в последний раз спала на улице. Она всегда удивлялась, глядя, сколько на небе звёзд. По какой-то причине ей казалось, что за горами, граничащими с Железным Лесом, будет только пустота. Возможно, это было одной из причин, почему колдунья редко выходила из пещеры после наступления темноты, – из-за страха перед этой пустотой, из-за опасения осознать, насколько далеко она на самом деле забралась.

И всё же небо рассказывало совсем другую историю.

– В Асгарде так же много звёзд? – спросила она Локи. Они лежали на боку, лицом друг к другу, его живот прижимался к её животу, руки и ноги были переплетены.

– Практически, – ответил он. – Это всего лишь звёзды. Они выглядят одинаково отовсюду, уверяю тебя. – Он указал на две точки, которые горели ярче остальных. – Хотя вот эти совсем новые.

– Откуда ты знаешь?

– Ну, ты помнишь свою подругу Скади?

– Естественно, я помню свою подругу Скади. – Ангербода с трудом села.

Она опасалась самого худшего, так как не получала вестей от Охотницы с тех пор, как та уехала, чтобы отомстить за отца. Ведьма была удивлена, услышав из его уст имя подруги, но потом вспомнила, что он неоднократно видел её: например, это она привезла сено в пещеру, когда он застрял в обличье лошади, и потом весной она удивлялась необычному виду жеребёнка Слейпнира. И, конечно, Локи видел Скади осенью прошлого года, когда прилетел навестить Ангербоду как раз перед отъездом на зимовку в Тримхейм.

– У тебя есть новости о ней?

– Не переживай, с ней всё хорошо, – сказал Локи, и она снова легла рядом с ним. – Охотница заявила в Асгард, требуя крови, но... в конце концов достигла соглашения с асами: взяла себе мужа из их числа и потребовала, чтобы её рассмешили, что удалось сделать лишь мне одному на свой страх и риск. – Он

указал на звезды. – И тогда Один взял глаза её отца и превратил их в звёзды. Они теперь там, на небе, видишь?

Но Ангербода не смотрела на звёзды. Она вспомнила историю, которую им поведала Гёрд, – о том, какая судьба постигла отца Скади. Вспомнила горе, ярость и жажду мести, что терзали её подругу. Так что ей было трудно поверить в то, что рассказал Локи.

– Она выбрала себе мужа? Таков был выкуп? Но это же просто нелепо!

– Представь себе, да. Его зовут Ньёрд, и он из ванов, морской бог. Один из тех заложников, обмен которыми произошёл во время войны. Отец Фрейра и Фрейи. И чего тут нелепого? Муж – более чем справедливая компенсация за утрату отца.

– Ей не нужен был муж, – выдавила из себя Ангербода.

По какой-то причине известие о замужестве Скади разозлило её больше, чем ей хотелось признать. Новое чувство появилось у неё в груди – что-то вроде зависти. Это было похоже на те её ощущения, когда она впервые произнесла имя Сигюн.

– Как они уговорили её на такое? Это просто абсурд.

– Что тут сказать, что произошло, то произошло.

Она стиснула зубы, в то время как в груди по-прежнему яростно клубилось незнакомое ощущение.

– И хорошо он к ней относится, её муж? Этот Ньёрд.

– Ваны по большей части хорошо ко всем относятся. Но последнее, что я слышал, – отношения у них не особенно ладятся: он ненавидит горы, она ненавидит море. Уверен, в скором времени их союз распадётся.

– Очень жаль, – сказала Ангербода, вовсе не имея это в виду.

– Разве? Кажется, они не особо подходят друг другу.

– Я просто рада, что она жива. – Колдунья вздохнула и немного успокоилась.

Скади едва скрывала свою ярость, когда Ангербода сообщила, что у неё есть муж, и теперь Ангербода сердилась на неё по той же причине. Лучше об этом не думать, решила она.

– Представляешь, ей пришлось выбирать мужа только по его ногам. Она надеялась на Бальдра, родного сына Одина, самого молодого и прекрасного из богов. Он даже ещё бороду не отрастил, а за ним уже увиваются и богини, и ётунши. – Локи закатил глаза и ухмыльнулся ей, убирая её волосы за ухо. – А что, если бы Скади выбрала меня?

Ангербода фыркнула:

– Она скорее пнула бы тебя в твоё мужское достоинство, чем вышла бы за тебя, если бы узнала, что ты мой муж. У неё уже заготовлен список того, что она сделает с тобой, если встретит.

– Что ж, Скади получила двойной выкуп за гибель своего отца: муж из асов и что-то, что рассмешит её, и я лично отвечал за «весёлую» часть сделки, – сказал Локи. – Мое хозяйство и так уже достаточно из-за неё пострадало. Мне пришлось привязать его к козе, чтобы развеселить твою подругу. У неё довольно нездоровое чувство юмора, тебе не кажется?

Ангербода моргнула.

– Зачем... зачем тебе было привязывать хозяйство к козе?

– Того требовал сюжет моего рассказа, – заявил Локи, защищаясь.

– Я тоже не прочь послушать эту историю, повторишь?

– Ну уж нет. Это означало бы доверить моё хозяйство твоим козам, а твои козы совершенно нелюдимые и норовистые.

– А вот и нет.

– И не только они.

Ангербода сжала губы, не в силах полностью скрыть веселье.

– Так то, что ты рассказал, произошло на самом деле?

– Не исключено.

– Хочешь сказать, ты не единожды проворачивал этот трюк с привязыванием своего хозяйства к козе?

– Не то чтоб я этим гордился, – с серьёзным видом произнёс Локи.

Потом Ангербода заметила несколько небольших шрамов на его руке, на плече, на груди.

– Откуда это? – спросила она, указывая пальцем на один из них.

– А, это, – ответил он. – Это осталось с тех пор, как отец Скади превратился в орла и таскал меня по всем Девяти Мирам[2 - В скандинавской мифологии Вселенная представляет собой Мировое Древо – исполинский ясень Иггдрасиль, на котором располагаются девять миров: Асгард, Ванахейм – мир ванов, Ётунхейм – мир ётунов, Мидгард – мир людей, Свартальвхейм – мир тёмных альвов, Нифльхейм, Юсальфхейм, Муспельхейм, Хельхейм.], пока я не согласился выдать ему Идунн и её яблоки.

– Так ты и поступил.

– На самом деле у меня не было особого выбора. А потом все боги состарились без яблок, и я потешался над ними, и тогда они пригрозили убить меня, если я не верну им яблоки, что я и сделал – и нет проблемы. Но я уверен, что после этого они перестали мне доверять. Ты бы видела, как они иногда на меня смотрят.

– Тебя это беспокоит? – рискнула спросить Ангербода. – Что они тебе не доверяют?

– Да не то чтобы, – сказал он, пожимая плечами.

– Это пока. Но ты живёшь среди них, а жизнь среди тех, кто тебе не доверяет, рано или поздно выйдет боком. – Она помолчала. – Тебе здесь всегда рады, ты же знаешь об этом, верно?

– Знаю. И я благодарю тебя за то, что ты не спрашиваешь меня, почему я не останусь.

– Я знаю, что ты не знаешь. Вот поэтому и не спрашиваю.

Локи вздохнул.

– А напомни-ка мне, почему Скади хочет нанести телесные увечья твоему мужу?

Ангербода пошевелилась.

– Потому что зимой его здесь не было.

– Вот оно что, – ответил он.

Некоторое время они молча смотрели на звёзды.

– Я подумываю создать заклинание, – произнесла Ангербода некоторое время спустя.

– Какого рода заклинание?

– Для начала скажи мне вот что: правду ли говорят, что Один может видеть все Девять Миров со своего трона?

– Да, это так, – медленно произнес Локи. – Это не просто байки. Он действительно может, если захочет.

– Я хочу скрыть это место. Так, что только те, кто уже побывал здесь прежде, смогут найти его. – Она внимательно на него посмотрела: – На всякий случай.

Локи выгнул бровь.

– А зачем кому-то искать тебя?

Ангербода поёрзала и ответила:

– Я и раньше боялась, что асы придут за мной. Но теперь я связана с тобой, и скоро у нас появится ребёнок – ещё одна причина для переживаний. Нужно бы обезопасить себя побольше.

– Но они не знают, что ты – это ты. Только то, что у меня есть жена в Ётунхейме.

– Если ты будешь всё так же продолжать свои проделки, а потом куда-то исчезать, они вскоре начнут задаваться вопросом, куда именно ты пропадаешь. Рано или поздно кто-то последует за тобой сюда.

– Ты скоро своей тени бояться начнёшь. Да и вообще, что они тебе сделают, если найдут?

– Забыл, как ты сам мне говорил? Они пронзили меня копьями и сожгли. Не единожды.

К тому же есть ещё Один, который жаждет заполучить от меня нечто, за чем мне придётся отправиться в ту бездну. Эта мысль заставила её вздрогнуть. Он сжёг меня трижды и сделает это снова. А мне теперь есть ради чего жить.

Колдунья взяла себя в руки. До этого не дойдёт, потому что этот ас никогда не разыщет её, как только начнёт действовать её защитное заклинание.

Локи, казалось, был настроен скептически.

– Значит, ты думаешь, что сможешь сотворить заклинание, которое скроет тебя даже от Всеотца, который видит всё сущее?

– Ты опять кое-что забываешь, любовь моя. – Ангербода слегка улыбнулась и, понизив голос, провела пальцем по его щеке. – Что бы тебе ни говорили, меня сожгли не просто так.

– Хм. – Локи склонился над ней, ухмыляясь. – Может быть, когда-нибудь мне воздастся за то, что я женился на ведьме.

– Я не собираюсь вытаскивать тебя из неприятностей, которые у тебя на уме.

Он поцеловал её.

– Я ничего такого не имел в виду, но уверен, что скоро что-нибудь придумаю. За мной не станется.

– В таком случае, как я уже сказала, от меня помощи не жди.

– Уверена? – уточнил он, целуя её шею, опускаясь к груди до самого шрама.

– Абсолютно, – решительно ответила она, – и любые твои попытки изменить моё решение пропадут втуне.

Дорожка из поцелуев спускалась всё ниже и ниже.

– Буду иметь в виду.

В водовороте страсти ночь промчалась незаметно – как это часто происходило с ночами, проведёнными вместе, – и утром Ангербода поняла, что больше не переживает от осознания того, что Локи, вероятно, может заставить её делать всё, что захочет. Один поцелуй, один ласковый жест, одно его слово – и Ангербода полностью принадлежала ему. И хотя его умение ловко обращаться со словами и раньше было очевидно, всё остальное тоже не было пустым бахвальством – во всяком случае, результат говорил сам за себя.

Но ещё сильнее ведьму удивило то, что она более не была удивлена, взволнована или обеспокоена тем, как сильно за него переживает.

Они по-прежнему лежали на поляне перед пещерой, и прохладный ветерок обдувал их вспотевшую кожу. Ангербода не могла уснуть, потому что ребёнок внутри неё возбуждённо брыкался, а Локи задремал у неё в объятьях. Она принялась перебирать пальцами его влажные кудри, и во сне он выглядел обманчиво умиротворённым.

Она сделает для него всё что угодно, осознала женщина в тот момент с внезапной яростью, от которой у неё зашлось сердце. Всё что угодно для него и всё что угодно для ребёнка, растущего внутри неё, сейчас как будто зажатого между ними и явно возмущённого учатившимся пульсом матери. Что угодно для них обоих. Всё.

И почему-то осознание этого испугало ведьму, словно даже помыслить о таком значило дать обещание, которое она не в силах была сдержать.

Дни становились длиннее, а ночи короче. Локи на некоторое время задержался у неё, но вскоре снова ушёл с мыслями о Сигюн и асах, и его отсутствие теперь беспокоило Ангербоду больше, чем раньше.

Ведьма потратила это время, чтобы поработать над своим заклинанием. Она сшила три маленьких мешочка из обрезков кожи и наполнила их камушками с вырезанными на них рунами, над которыми колдовала девять дней и девять ночей. После этого она разместила заготовки таким образом, чтобы, став его вершинами, они образовали широкий треугольник, включающий в себя пещеру и поляну перед ней. Первые два она спрятала в дупла деревьев, которые пометила дополнительными рунами для маскировки. Последний мешочек она отнесла на склон за пещерой, чтобы треугольник имел ровные стороны. Ей пришлось вскарабкаться на скалы, чтобы припрятать его там, что было непросто в её нынешнем состоянии, хотя подъём не был крутым. Но в итоге ей удалось пристроить мешочек в углубление в скале и замаскировать его, как и в случае с деревьями.

Как только зачарованные камни оказались на своих местах, она сразу же выдохнула с облегчением. Оставалось только надеяться, что такое слепое пятно не заметит Один – как и то, что Локи порой будет вне досягаемости его взора, реши ас искать его.

По какой-то причине ребёнок, казалось, любил спать днем, а по ночам просыпался и начинал кувыркаться, к вящему неудовольствию Ангербоды. Ведьме приходилось дремать урывками в светлое время суток, а работать при свете очага – составлять зелья и шить.

В последнее время она была вынуждена часто перешивать одежду, чтобы та подходила к её постоянно изменяющимся формам. Да и на платьях необходимо было сделать запах на груди, который можно было бы закрепить брошью – это пригодится для кормления ребёнка после его рождения.

Затем однажды ночью Ангербода проснулась от очередного короткого и беспокойного сна, почувствовав столь резкую боль в животе, что некоторое время она не могла даже пошевелиться. Когда ей наконец удалось сесть, то она почувствовала нечто влажное и, нахмурившись, потянулась вниз, проверяя кровать, сорочку, внутреннюю сторону бёдер.

Её рука оказалась мокрой от крови. В тот же миг она осознала, что ребёнок внутри неё не шевелится. Женщина попыталась вспомнить, когда он двигался в последний раз, но, так как обычно днём он пребывал в покое, ей так и не удалось этого вспомнить.

Внезапная паника охватила её. Она была на достаточно большом сроке беременности, чтобы дитя смогло выжить в случае досрочного разрешения от бремени, но какой-то инстинкт подсказывал ей, что сейчас происходит что-то неправильное, что её связь с новой жизнью, растущей в ней, медленно затухает. Ребенок внутри умирал, и к тому времени, когда она родит, может быть уже слишком поздно, чтобы спасти его.

Её мысли метались в поисках выхода. Есть ли какие-нибудь зелья, чтобы помочь? Хоть что-то? Подходящие заклинания? Ведьма чувствовала, что её постельное белье намокает от крови всё сильнее, и сдавленный стон сорвался с её губ, когда она, вцепившись в меха и одеяла, прижалась спиной к стене пещеры и свернулась калачиком на кровати. Женщина всё думала и думала – и ничего не могла придумать.

Её сердцебиение ускорилося, и это сделало единственный имеющийся в её распоряжении вариант ещё более очевидным – она позволила ритму крови, равномерному, как стук барабана, убаюкать себя в трансе.

Ба?дум, ба?дум, ба?дум.

Она погрузилась в сейд, даже не задумываясь, отбросив свое тело, как змея сбрасывает кожу. Её губы произносили слова, о знании которых она не подозревала. Священные слова. Песнопения, зовущие дитя, её дочь, обратно. Ангербода чувствовала, что почти добралась до Иггдрасиля, когда потянулась за душой ребёнка, практически скользнула кончиками пальцев по ткани бытия, соединяющей Вселенную воедино. К счастью, дитя не успело уйти далеко, но если бы дело дошло до этого, колдунье, конечно, хватило бы смелости даже встряхнуть Мировое Древо.

Наконец Ангербода почувствовала присутствие дочери и, мысленно ухватившись за это ощущение, призвала искру жизни вернуться в её тело. И пока ведьма повторяла нужные слова снова и снова, её собственная боль начала утихать. Потом, наконец, она почувствовала, как ребёнок пинается.

Женщина заплакала бы от облегчения, если бы не была так напугана. Утром она обнаружила, что всё ещё лежит свернувшись калачиком на кровати, в грязной сорочке, меха и одеяла валялись в беспорядке вокруг, испачканные в пятнах крови. Она оцепенела от шока, но, по крайней мере, с малышом снова всё было в порядке.

В тот день ей потребовалось много времени, чтобы собраться с духом и встать с постели, а затем набрать воды, умыться, всё постирать и поесть. Тогда же она поняла, что всё ещё слишком расстроена, чтобы плакать.

Сны начались в ту же ночь.

Проведя большую часть дня без сна, но в постели, Ангербода после ужина подбросила ещё несколько поленьев в очаг, зажгла свечи для лучшего освещения и устроилась в кресле, чтобы подшить манжету на одном из своих старых платьев. Вскоре она отвлеклась от рукоделия и не успела опомниться, как задремала.

Позже она не сможет сказать, спала она или ещё бодрствовала, когда почувствовала чьё-то присутствие. Ощутила, как кто-то кружит вокруг неё. Призывает её так же, как она звала свою дочь. Произносит слова, которые она

знала и не знала одновременно. Выманивает её. Вытаскивает из убежища и сталкивает в глубины сейда.

Кто-то заметил, что произошло ночью.

И этот кто-то от неё чего-то хотел.

Она погружалась всё глубже и глубже, чувствуя, что уже почти задевает край тёмной бездны – чья-то воля, казалось, подталкивала её, побуждала заглянуть за грань, нырнуть с головой в непостижимую пустоту.

Нет.

Ей было известно, что там, внизу, известно ещё с того времени, когда она была Гульвейг и жила сейдом, – и, спустившись туда, она вернется, постигнув тайны, к обладанию которыми не стремилась.

Тайны, которые ей знать не следовало. То, о чём никто не должен знать.

Она так и сказала Одину, когда отказалась погрузиться в бездну ради него, и за это её сожгли. Трижды. Это не может быть снова он, подумала Ангербода, но не могла разобрать, чьё присутствие ощущает. Присутствие Одина в своём сознании она ощутила бы сразу же, но неизвестный не показывался ей. Неужели его мастерство владения сейдом настолько возросло, что теперь он может полностью сокрыть себя?

– Нет, – снова подумала она. – Оставь меня в покое.

Она сопротивлялась, отстраняясь всё дальше, пока не почувствовала, как безликий голос с удивлением отступил. А потом пришёл в ярость.

Колдунья резко очнулась, когда тяжёлое шерстяное платье соскользнуло с колен и свалилось кучей у ног. Её грудь тяжело вздымалась, а руки дрожали, когда она поднялась с кресла и с трудом наклонилась, чтобы поднять шитьё. Когда ей удалось снова сесть на своё место, она поняла, что слишком устала, чтобы продолжать рукоделие, но не настолько, чтобы снова рискнуть провалиться в сон, поэтому она не знала, чем заняться. Впервые с тех пор, как

она решила поселиться в Железном Лесу, Ангербода отчаянно пожалела, что она так одинока.

Однажды летним утром Ангербода спустилась к ручью, что было непростой задачей на её сроке беременности. Она долго сидела, наслаждаясь тишиной и успокаивающим журчанием воды, пока не услышала шелест листьев – из-за деревьев на другой стороне ручья показалась Гёрд с полной корзиной белья. Ангербода нервно приподнялась и поздоровалась с ней, а ётунша первым делом поинтересовалась:

– Знаешь, что Скади вышла замуж?

– Да, слышала некоторое время назад. Не хочешь присоединиться ко мне? Я планировала искупаться, но никак не могу собраться с силами.

Предложение было сделано больше из вежливости, но тем не менее великанша перепрыгнула через несколько камней на другую сторону ручья и села рядом на берегу.

– У меня для тебя кое-что есть, как и обещала.

Она порылась в корзинке и извлекла лоскут мастерски сотканного некрашеного полотна.

– Это головной убор, – пояснила Гёрд, протягивая его ведьме. – Я пришла к выводу, что мамины слишком вычурны для твоего гардероба. У неё все шелковые, или крашенные, или парчовые, с золотыми нитями и узорными плетёными лентами. Не обижайся, но ты одеваешься намного проще, чем она.

Ангербода вынуждена была признать её правоту.

– Спасибо, Гёрд. Убор прелестный, и я буду носить его с удовольствием.

– А если ты захочешь его немного украсить или просто удобнее закрепить на голове, – добавила девушка, – то вот немного ленты, не суди строго, я сама её сплела. – Из сумки она вытащила длинную полоску с узором из синих и зелёных

завитков с жёлтыми акцентами. – Но это можно носить и как пояс. Или разрезать и отделать этим платье.

– Твоя работа восхитительна, – с благоговением произнесла Ангербода, приняв ленту и пробежав пальцами по туго сплетённому орнаменту. – Спасибо тебе. Я буду беречь её.

Гёрд просияла.

– Всегда пожалуйста. И это ещё не всё. – Она достала из корзины несколько льняных свёртков, мягких, но объёмных. – Это пелёнки для ребёнка. Моя мать сшила их в подарок – твои зелья исцелили болезнь отца прошлой осенью, и она бесконечно благодарна. Когда Скади сообщила нам, что ты в тягости, мама настояла на том, чтобы сделать для тебя что-то особенное.

– Пожалуйста, поблаговари её от моего имени, – искренне сказала Ангербода. – Это щедрые дары.

– Это самое меньшее, что я могу сделать, – сказал Гёрд, поёживаясь и не глядя на неё. – За то, что была так невежлива с тобой прежде. Я прошу прощения.

– Я и сама была не так уж приветлива. И мне тоже очень жаль. Но скажи мне... Это Скади тебя подговорила?

– Конечно, это она. И всегда пожалуйста. – Гёрд положила свёртки обратно в корзину. – Я помогу донести их в твою... э-э-э... пещеру, когда ты будешь готова. Кроме того, Скади передавала, что она здорова и скоро навестит тебя, но пока ещё в Асгарде... С тобой всё в порядке?

Внезапно Ангербода сжала кулаки, а её лицо побелело – начались первые схватки.

– Не рановато ли для этого? – в панике спросила Гёрд, помогая колдунье вернуться домой. – Так что?.. Всё случится прямо сейчас? Или, может... мне пойти за...

Не так рано, как в прошлый раз. Сейчас всё идёт как нужно.

Схватки были пока несильными и с длительными интервалами. Ангербода обнаружила, что не может удобно устроиться ни в одном положении, поэтому она просто ходила взад и вперёд по поляне.

– Уже поздно куда-то идти.

– Если у тебя есть время так расхаживать, то и я успею сбегать за кем-нибудь, – резко возразила Гёрд и добавила, что, в отличие от её матери, она сама никогда прежде не присутствовала на родах. Ангербода лишь покачала головой, и тогда ётунша села у входа в пещеру и принялась гладить коз, чтобы отвлечься, а ведьма продолжила ходить.

Поздно вечером схватки стали настолько болезненными, что Ангербода больше не могла стоять. Ей потребовалось некоторое время, чтобы найти положение, которое было бы достаточно естественным для предстоящих родов. В конце концов, после долгого лихорадочного перебирания вариантов в соответствии с пожеланиями роженицы, Гёрд сложила одеяла поверх груды мехов, на которую Ангербода откинулась, одновременно присев на корточки.

Далеко за полночь невольная помощница, дрожа, опустилась на колени перед кроватью, готовая в любой момент подхватить ребёнка в подготовленное одеяло. Она позволила Ангербоде ухватиться за её плечи для большей устойчивости, не сказав ни слова о том, что ногти женщины впиваются в её кожу, оставляя глубокие следы в форме полумесяцев. И лишь твердила все те слова утешения, что только приходили на ум молодой, неопытной девушке. Ради Гёрд колдунья старалась сдерживаться и не кричать, покуда это было возможно, но одно только выражение боли на её лице, казалось, пугало ётуншу.

Однако по мере того, как шли роды, она, казалось, всё больше привыкала к своей неожиданной роли повивальной бабки. А когда ребёнок, наконец, ранним утром появился на свет, Гёрд приняла его, похлопала по спинке, чтобы прочистить лёгкие, и перерезала пуповину. Услышав первый вопль, вырвавшийся из уст её ребёнка, мать с облегчением откинулась на одеяло.

– Девочка, – объявила помощница, вытирая сморщенную розовую малышку и передавая её на руки Ангербоды. Она скомкала и отбросила испачканные одеяла, откинулась на спинку стула и уставилась на них обеих. – Она прекрасна.

– Так и есть. Только посмотри на неё.

Ангербода почувствовала, как её глаза наполнились слезами, когда она укачивала ребёнка, который перестал плакать – отчего женщина на долю секунды запаниковала, пока не заметила, что дочь смотрит на неё с удивлением, а не бессмысленным мутным взором новорождённого.

– У неё глаза отца, – подумала она, глядя на малышку с таким же изумлением. – И она смотрит на меня так, словно удивлена своему появлению на свет.

Правильно ли, что такая крошка уже выглядит такой мудрой?

– У твоего мужа тёмные волосы? – поинтересовалась Гёрд, потому что ребенок родился с копной пушистых чёрных локонов, а волосы её матери были гораздо светлее и каштанового оттенка. Локи тоже был рыжеватым блондином, но ётунша этого не знала.

Ангербода покачала головой:

– Не представляю, откуда взялся этот цвет.

– У тебя есть для неё имя?

– Её зовут Хель.

Это было имя, которое она вот уже некоторое время обдумывала, – пришедшее на ум в ту ночь, когда ей пришлось звать душу своей дочери обратно из-за предела. И оно так прочно засело в голове, как будто Хель назвала себя сама.

Колдунья прижала дитя к груди, чтобы покормить, но Хель, казалось, всё устраивало, и она просто продолжала зачарованно смотреть на мать.

– Малышка... не совсем обычная, да? – осторожно уточнила Гёрд. – Она не плачет.

– Похоже, она очень обеспокоена своим новым положением, – согласилась Ангербода. Вероятно, в ней есть что-то особенное, но это не так уж и плохо.

Она само совершенство.

Мать настолько поглощена была задумчивым личиком своей малышки, что первой проблему заметила Гёрд:

– У неё что-то не так с ногами...

Она была права. Хель сучила ножками, но они были неправильного цвета – мертвенно-бледные, а не розовые, как всё остальное тельце, и кожа была жесткой и холодной. С каждой секундой они, казалось, понемногу синели.

Внезапно малышка снова заплакала, но теперь уже пронзительно, как от боли, и все воспоминания о той ночи, когда Ангербода едва не потеряла дочь, мгновенно всплыли в её сознании. От счастья она чуть было не забыла об этом.

– Сейчас же сходи к моему шкафу, там на виду розовый флакон, принеси его. Быстро! – приказала колдунья.

Гёрд тотчас вскочила на ноги, судорожно бросившись к шкафу, схватила пузырёк и протянула его Ангербоде, которая в ту же секунду влила содержимое в горло дочери, отчаянно бормоча себе под нос заклинания. Хель закашлялась, но сглотнула и начала успокаиваться. Цвет не вернулся к её ножкам, но они по крайней мере перестали коченеть. Довольно скоро крошка снова уставилась на мать и, казалось, была довольна тем, что с ней нянчатся. Ведьма подняла глаза и увидела, что ётунша смотрит на неё с нескрываемой тревогой.

– Что только что произошло? Что ты ей дала?

– Я не знаю. Не знаю, – прошептала в ответ Ангербода. Ноги её дочери по-прежнему были мертвенно холодными, но при этом шевелились. – Это было целебное зелье, но оно не вылечило её полностью. Не представляю, что произошло, но я это остановила. По крайней мере, пока.

– Кажется, теперь с ней всё хорошо, – дрожащим голосом произнесла Гёрд. – Я имею в виду... Её ножки выглядели ровно так же, когда она только появилась на свет. Я не стала ничего говорить, потому что девочку это не беспокоило. Но если эта особенность была у неё с самого начала, почему малышка вдруг

запаниковала? Из-за чего произошло ухудшение?

– Может быть, потому, что она осознала, что что-то не так. Внутри меня ей было тепло, и ножками шевелить она может. Вероятно, крошка просто не сразу заметила. – Ангербода крепче прижала Хель к себе. – И, как знать, может, это произойдёт снова. Казалось, что её плоть отмирает, снедаемая чем-то... Мне нужно будет приготовить зелье получше. Чтобы уберечь её. Остановить болезнь.

Это моя вина, что так случилось. Несомненно. Вероятно, её душа неспроста покинула тело, а я заставила её вернуться. Так что причина в том, каким образом я спасла её той ночью, в моих заклинаниях.

Или, быть может, во мне самой.

Гёрд сглотнула и, подобрав грязные одеяла, выбросила их за порог.

– Постираю завтра. В темноте я не найду дороги к ручью.

Затем она достала свёртки с пелёнками из своей корзины и передала их Ангербоде, которая спеленала Хель, как раз закончившую есть, но не слишком туго – чтобы иметь возможность в любой момент проверить её ножки. Потом ётунша помогла и молодой матери привести себя в порядок, уложила её в постель, а сама заснула, сидя за столом. Новорождённая малышка задремала в объятиях матери. Но сама ведьма, несмотря на всю свою усталость, не могла сомкнуть глаз.

– Это всё моя вина, – корила себя она. – Я всё время возрождаюсь. Меня нельзя убить ни огнём, ни копьём в сердце. Не странно ли, что мать, которая раз за разом воскресает, даёт жизнь наполовину мёртвой дочери?

Неужели я сохранила всю жизненную силу для себя, вместо того чтобы передать её своему ребёнку, как следовало? Или мне нечего ей передавать?

Но Хель, казалось, вполне достаточно было посапывать в любви и безопасности. И, всё ещё не в силах отвести взгляд от точёного лица дочери, Ангербода поняла, что, возможно, её сердце наконец исцелилось.

Гёрд настояла на том, чтобы остаться на несколько дней – помочь с готовкой и уборкой. Ангербода подумала, что у девушки наверняка есть дела у себя дома, но была слишком измождённой, чтобы спорить. А когда ётунша наконец уехала, то не прошло и недели, как она вернулась в компании Скади. Колдунья чуть не расплакалась – не только при виде своей лучшей подруги, но и из-за нескольких кувшинов эля, которые Охотница привезла с собой, чтобы пополнить запасы в кладовой.

Она пригласила обеих девушек на ужин, и Гёрд вновь настояла на том, чтобы приготовить еду. Молодая мать изнемогала от недосыпа – как из-за новорождённой малышки, так и из-за страха перед таинственным заклинателем из её снов – и позволила той командовать на кухне.

– Значит, найти и оскопить мне надо будет мужчину с чёрными волосами, – заявила Скади вместо комплимента, как только увидела Хель. – Где он всё шляется, этот твой муженёк?

– Не беспокойся об этом, – сказала колдунья, укачивая спящую дочь. – Расскажи мне лучше об Асгарде.

Скади пожала плечами и сделала глоток эля.

– Я так понимаю, Гёрд рассказала тебе, что произошло?

– Мне не пришлось, – сообщила её кузина. – Она уже была в курсе. Кстати, откуда ты узнала, Ангербода?

– Так как у тебя дела с твоим мужем? – поспешно спросила ведьма, чтобы сменить тему.

Скади и Гёрд обменялись подозрительными взглядами, а потом великанша начала свой рассказ:

– Мы разошлись. Мне потребовалась всего одна ночь, чтобы понять, что я не могу жить у моря – чайки и волны слишком громкие. И всё же я вытерпела там девять ночей. Затем Ньёрд провел девять ночей в моём чертоге, но и он не мог уснуть из-за воя волков. Мы расстались по-хорошему, и я собираюсь иногда

видеться с ним. Он добрый человек и по-прежнему мой муж. И я всегда буду желанным гостем в Асгарде. – Она сделала ещё один глоток эля. – Теперь меня причисляют к богам. В Мидгарде даже есть люди, которые молятся мне во время охоты.

– Должно быть, это чудесно, – с некоторой грустью произнесла Гёрд, – когда тебе поклоняются.

– Да ничего особенного, – ответила Скади, но её тон говорил об обратном.

Ётунши остались на ночь – казалось, им совсем не мешало, что Хель просыпалась каждые несколько часов, чтобы поесть, хотя и почти не плакала. Когда подружки отбыли, Ангербода положила дочь в перевязь на груди и вышла прогуляться. Она кормила коз и высматривала, не объявится ли её неугомонный муж, без особой, впрочем, на то надежды.

Ей казалось странным, что его отсутствие беспокоит её всё меньше и меньше с тех пор, как родилась Хель. Беспокоиться о нём, гадать о причинах, по которым он не приехал, – это всё отнимало время и силы, которых у неё и так не было. По её мнению, Локи был волен делать всё, что ему заблагорассудится, – а у неё отныне была дочь, о которой нужно заботиться.

Минуло два полнолуния, прежде чем она снова увидела Локи.

Ночи становились всё холоднее. Когда он вошёл, Ангербода спала, свернувшись вокруг Хель, которая лежала в гнёздышке из меховых одеял – чтобы она сама не скатилась с кровати и чтобы мать не могла случайно придавить её во сне, неловко повернувшись.

Не то чтобы Ангербода сильно ворочалась во сне. Да и не то чтобы она и до рождения ребенка спала подолгу, но ведьма определённо спала, когда явился Локи: звук открывающейся и закрывающейся двери разбудил её.

Мужчина снял ботинки и подбросил дров в огонь, затем пересёк комнату и молча посмотрел на кровать – как будто в кои-то веки не знал, как поступить. Ангербода повернула голову и взглянула на него.

– Не прошло и года.

– Я не мог прийти раньше, – произнёс он извиняющимся тоном, а затем осторожно перелез через неё и устроился с другой стороны от Хель, так что малышка оказалась между ними. – Несколько недель назад Сигюн родила. Уйди я тогда, мне бы потом в Асгарде уши прожужжали.

– Кто?

– Все до единого.

– Как она? И ребёнок?

– Оба здоровы. Это мальчик.

– А у нас – девочка.

Локи неуверенно наблюдал за всё ещё спящим ребёнком.

– Как ты её назвала?

– Хель.

– Хель? Что это ещё за имя такое? – Локи рассмеялся, и крошка пошевелилась от этого звука. Она сморщилась, собираясь заплакать, но, когда открыла глаза и увидела незнакомца, черты её лица разгладились, и девочка устремила взгляд прямо на него.

– Она постоянно так делает, – заметила Ангербода. – Похоже, ей действительно нравится рассматривать людей. Иногда мне кажется, что она может заглянуть мне в душу.

Но Локи неотрывно смотрел на ребёнка, и выражение его лица сменилось – на нём появилось благоговение, совсем как у самой колдуньи, когда малышка только родилась, а Хель, в свою очередь, казалось, была просто очарована своим отцом – настолько, что внезапно широко улыбнулась ему, высунув маленький розовый язычок.

– Она порой улыбается без всякой причины, – удивлённо произнесла Ангербода, – но это её первая настоящая улыбка. И она – для тебя.

Локи не обратил на её слова ни малейшего внимания. Он вдруг тоже улыбнулся Хель, – ведьма никогда раньше не видела на его губах такой улыбки, – а затем протянул палец, чтобы малышка могла сжать его своей крошечной ручкой.

В этот момент Ангербода поняла, что лицезреет рождение любви с первого взгляда.

Хель, пытаясь засунуть палец отца себе в ротик, радостно брыкнулась, и одеяло упало с её ног. Глаза Локи расширились.

– А почему её ноги?..

– Она их чувствует. Смотри. – Колдунья сжала крошечный пальчик дочери, и малышка поёжилась. И тут слова полились из женщины непрекращающимся потоком, пока она не рассказала ему всё о той ночи, когда Хель чуть не погибла.

– Ты и такое умеешь? – спросил мужчина, когда она закончила. В его голосе звучало нетерпение, которое не понравилось Ангербоде. – Возвращать мёртвых?

– Не уверена, что она на самом деле умерла, но да, я спасла её.

– И теперь считаешь, что это как-то связано с её ногами?

– Не знаю, но плоть на них мертва, хоть и растёт вместе с телом. Я пробовала зелья и мази – они не опасные, я бы никогда так не поступила с собственным ребёнком, самое худшее, что они могут сделать, – это не сработать. Но ничего не помогает. Возможно, своими стараниями я смогу их оживить, но пока самое большее, на что я могу надеяться, – это остановить дальнейшее омертвление...

Локи наклонился и поцелуем заставил её замолчать.

– Мы странные. Она странная. Она прекрасно нам подходит, не так ли?

– Это так... ужасающе мило с твоей стороны.

– Со мной и такое случается.

Хель, казалось, твёрдо решила не закрывать глазки, пока не удостоверится, что отец никуда не денется. Но в конце концов она снова заснула, уютно устроившись между родителями и без каких-либо тревог.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Подробнее об этих событиях можно прочитать в мифе о золотых волосах Сиф.

2

В скандинавской мифологии Вселенная представляет собой Мировое Древо – исполинский ясень Иггдрасиль, на котором располагаются девять миров: Асгард, Ванахейм – мир ванов, Ётунхейм – мир ётунов, Мидгард – мир людей, Свартальвхейм – мир тёмных альвов, Нифльхейм, Юсальфхейм, Муспельхейм, Хельхейм.

Купить: https://tellnovel.com/gornichek_zhenev-eva/serdce-ved-my

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)